

Ирма Гринева

из цикла «Зелёные глаза»

Куда смотрят мужики?

Не пора ли решиться?

из цикла «Голубые глаза»

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Ирма Гринёва
Куда смотрят мужики?
Не пора ли решиться?

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67360103

SelfPub; 2022

Аннотация

Рассказы "Куда смотрят мужики?" и "Не пора ли решиться?" объединяют три героини, три подруги, которые, несмотря на жизненные испытания, на неудачный опыт предыдущих попыток, на возраст, не отчаиваются, ждут, ищут и находят свою любовь. Или любовь находит их сама...

Содержит нецензурную брань.

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	4
Куда смотрят мужики?	7
ПРЕДИСЛОВИЕ	91
Не пора ли решиться?	93

Ирма Гринёва

Куда смотрят мужики? Не пора ли решиться?

ПРЕДИСЛОВИЕ

Зеленые глаза встречаются примерно у 2% населения Земли.

Обладателям зеленых глаз характерна загадочность, но сами они практически безошибочно разбираются в людях.

Зеленоглазые считаются одними из самых успешных людей, потому что они умеют слушать и сопереживать, у них развито воображение и они достаточно стабильны. Они пользуются авторитетом в своем окружении за приверженность принципам, но не стремятся к лидерству, хотя осознают свою популярность. Люди с зелеными глазами обладают отличными организаторскими способностями.

В отношениях с людьми они очень требовательны к другим, а также к себе. В общении люди с зелеными глазами никогда не навязываются, но ценят внимание со стороны. «Берут» от отношений они не больше, чем «отдают».

У женщин с зелеными глазами довольно тонкое понимание любви, поэтому они могут очень долго присматриваться

и выбирать себе партнера. Они склонны к романтике, нежности и всем остальным проявлениям чистой искренней любви, ранимы, мечтательны и обладают богатым воображением.

Любовь для них – нечто святое, и никому на свете они не позволят посягнуть на нее. Если сердце зеленоглазой половинки занято, не стоит даже предпринимать попыток завладеть им. Зеленоглазая женщина – прекрасная жена: верна, заботлива, многое способна простить и всегда готова прийти на помощь. Отношения с такими женщинами всегда стабильны, но в то же время не лишены некой изюминки.

В то же время, блондинки с зелеными глазами обладают стервозным характером, умеют добиваться своего, а вот серьезные отношения даются им с трудом.

Всё могут короли...

А это зависит от того...

Кошка, которая гуляла сама по себе

Запомни меня такой...

...И мы станем единым целым

Не проскочи мимо!

Куда смотрят мужики?

Я люблю тебя! Я верю тебе!

Два кусочечка колбаски...

Мужчины на раз-два-три

Любовь на фоне геометрии и зоологии

Рондо на тему любви
Сегодня, а ещё лучше – вчера
Стоянка поезда одна минута

Куда смотрят мужики?

1

– Иришка, как ты вчера сходила на собеседование?

– Девчонки, это – песня! Представляете, я на должность курьера сдавала тест на IQ¹!

– Во, дают! Такая крутая фирма?

– Да, по-моему, просто выпендриваются. В основном молодёжь работает. У девчонок юбки по самое не балуйся, а ребята все в белых рубашках с галстуками. Все снуют туда-сюда. И мы такие тут сидим пятеро от пятидесяти пяти до шестидесяти. Правда, тест проводил солидный дядечка где-то нашего возраста. Но зачем им курьер в бухгалтерию с высоким IQ – непонятно.

– Так и сколько у тебя получилось? Ты прошла или нет?

– Не знаю, сказали – позвонят. Я дома специально в комп полезла и прошла нечто подобное, получила сто тридцать восемь баллов и сообщение, что это «выше среднего» но, может, им IQ больше двухсот нужен, как у Эйнштейна?..

В кафе сидели трое вполне ещё интересных дам: Ирина и Галя были однокурсницами, но после окончания Бауманки как-то потеряли связь, и опять встретились только десять лет назад, когда Галя со своей коллегой по работе – Леной (она

была третьей в кафе) пришли на концерт Любви Успенской в ДК Азимут, где в то время заведующей отделом работала Ирина. В её обязанности входили организация и проведение, в том числе, и концертов. Женщины столкнулись в фойе, узнали друг друга. В институте Ира с Галей общались мало: яркая Галя почти сразу вышла замуж и родила дочку, на занятия ходила через пень колоду, но академку не брала, вытянула институт параллельно с материнством и замужеством. Кстати, к концу учёбы она уже развелась с первым мужем, а Ирина, как раз, к этому времени ушла с головой в роман с однокурсником Володькой Решетниковым, так что их жизненные циклы не совпадали. А при встрече выяснилось, что сейчас все свободны от семейных обязательств, дети выросли, обнаружилось много схожих интересов: театры, концерты, путешествия, книги, беговые лыжи. И женщины сдружились. Галя с Леной стали часто приходить к Ирине на интересные мероприятия вплоть до её ухода на пенсию. К Галке ездили все вместе зимой кататься на лыжах, так как та жила около Лосиноостровского парка. А Ирина с Леной каждый год ездили за границу на экскурсионные программы, которые сами же и составляли, иногда к ним присоединялась и Галка. Галя работала на фирме верстальщицей (кем только не работают выпускники Бауманки – ну очень широкого профиля оттуда выходят специалисты), Лена там же была главным бухгалтером. Её личная жизнь как-то не сложилась, она никогда не была замужем, но при этом оставалась

оптимисткой и хохотушкой (куда смотрят мужики?). Галка была в очередном разводе (десять лет назад – втором, а сейчас уже – третьем). Со всеми мужьями сохраняла хорошие отношения, а трое детей (каждому мужу она рожала по девочке) крутились вокруг неё. Ирина дважды была замужем, от второго брака имелся сын, у которого более близкие отношения сложились с отцом, а не с нею.

В ДК Ирина последнее время работала заместителем директора, и работала бы и дальше – работа ей очень нравилась, но в Департамент культуры пришли новые люди, пошли новые веяния: пенсионеров старались отправить на пенсию, чтобы уступили дорогу молодым. Директор был уже далеко за пенсионным возрастом, и когда его сняли – Ирина тоже ушла, хотя её не гнали, а, наоборот, просили остаться, но она не захотела приравниваться к новому начальству, а решила найти простенькую работу, желательно, на полдня, чтобы шла прибавка к пенсии. И вот эти-то её поиски и обсуждали подружки в кафе.

¹ – Коэффициент интеллекта (англ. IQ – intelligence quotient) – количественная оценка уровня интеллекта человека относительно среднестатистического человека такого же возраста. Определяется с помощью специальных тестов.

Ирина уже три месяца отработала в фирме «Gift»², и, когда её вызвали к начальнику отдела кадров – Ивану Михайловичу (тот симпатичный дядечка, который проводил тест при приёме, а потом и собеседование вместе с главбухом), она решила, что её хотят перевести на постоянную работу. А что? Она вроде пришлась ко двору. С главным бухгалтером – Ольгой Ивановной, они были примерно одного возраста, и сразу нашли общий язык. Компания в бухгалтерии подобралась дружная. Ирина как-то сразу в неё вписалась, не смотря на то, что остальные были гораздо младше её и главбуха. На работу приходила вовремя, в свои обязанности вникла сразу (да и что там вникать после работы заместителем директора, тем более, что на прежней работе контактировать с бухгалтерией приходилось плотно, поэтому опыт общения и стиль языка были знакомы). Ездить на метро Ирина любила, сидение в очередях в банках и фондах её не утомляло – всегда под рукой была электронная книжка, а освобождалась уже в 15-16 часов, и могла ехать домой или по своим делам (Ольга Ивановна возвращения на работу не требовала, но Ирина всё равно каждый раз ей звонила и докладывала о сделанном). Зарплата в 20.000 рублей была, конечно, не ахти, по сравнению с её предыдущей, но вместе с пенсией составляла сумму, вполне достаточную для скромного житья-бытья. Зато новая работа не сушила мозги и не трепала нервы. Тем более что на вкладах лежали круглые суммы скопленных на предыдущей работе денег. Юрий Васильевич (бывший директор) ни

себя, ни своих замов не обижал. К машинам, дачам, ювелирным украшениям и тряпкам Ирина была равнодушна. Тратила свои запасы в основном на путешествия – они были её страстью...

Так что шла Ирина в отдел кадров с вполне радужным настроением – впереди маячила постоянная работа, а, может, и повышение зарплаты. Но Иван Михайлович огорошил её другим предложением. Причём, преподнёс его, чуть ли не как подарок судьбы, и ужасно удивился, когда Ирина, выслушав его, расстроилась и согласиться на него отказалась...

– Но ведь должность секретаря предполагает существенно более высокую зарплату?!

– Это то – да, но также ещё и рабочий день от и до. И это «до» будет до окончания работы руководителя, а такой график меня совсем не устраивает. И вообще, поздно мне на пенсии вдруг становиться секретаршей...

– Если Вас это смущает, мы можем в трудовой книжке записать «помощник руководителя»

– Записи в трудовой меня уже давно не смущают, но как не назови, обязанности всё равно секретарские, а это значит быть всегда на виду, зависеть от настроения начальства...

– Вы же понимаете, что строптивых работников нигде не любят, и у Вас альтернатива такая: или Вы идёте работать секретарём, или мы Вас увольняем. Подумайте до конца рабочего дня.

И расстроенная Ирина вернулась в бухгалтерию. Ольга

Ивановна тоже не ожидала такого поворота событий: буквально пару дней назад они с Иваном Михайловичем говорили об окончании испытательного срока нового курьера и её новой зарплате. Главбух была женщиной решительной, «своих» в обиду никому не давала. Сама могла разнести за ошибку (без этого всё равно не бывает) в пух и прах, но за пределы бухгалтерии это никогда не выходило. Ольга Ивановна легко подхватила свои сто килограмм веса и пошла выяснять отношения с начальником отдела кадров. Пусть он и друбанит с Сергеем Владимировичем (руководителем и хозяином фирмы – о последнем на фирме знали только трое: начальник отдела кадров, главбух и начальник охраны – Олег Семёнович, или в разговоре – Семёныч), но они уже с ним давно выяснили отношения и пришли к мирному консенсусу: ты – не лезешь в мой монастырь, я – в твой. А тут такое наглое вторжение на её, главбуха, территорию...

– Ольга Ивановна, не кипятись. Послушай, я в цейтноте. Ты же не знаешь, какой у нас вчера скандал приключился? Натка опять попыталась соблазнить Сергея Владимировича, а тут, как назло, пришла Анжела, за столом секретаря никого нет, она и вломилась напрямую в кабинет, а там Натка в расстёгнутой кофточке грудью на директора напирает... Ну и пошла гудеть губерния. Хорошо хоть в кабинете всё произошло, а не в предбаннике. Народ, конечно, догадывается, в чём дело, но хоть светопреставления, как в прошлый раз, избежать удалось. Натка схватила свою сумочку и тикать. Она

и так аккуратностью не отличалась, а тут вообще на столе такой бардак оставила! Сергей нервничает, предстоит же крупная сделка, а он – то одних документов найти не может, то других. Да ещё и Анжеле пообещал, что секретарём возьмёт кого-нибудь постарше. А где я ему срочно найду постарше? Не с улицы же брать? Так что твоя Ирина идеальная кандидатура: возраст, образование, опыт работы – ты же знаешь, что она прежде замом работала?, внешность, опять же, вполне презентабельная, как-никак уже три месяца у нас работает – не с улицы. Не думал, что откажется. Я её кандидатуру с Сергеем Владимировичем уже согласовал. А тут, представляешь, приду, скажу, что отказывается, он же сразу велит её уволить. И мы с тобой и без секретаря, и без курьера окажемся. Курьера ещё можем выбрать из приходивших на собеседование, да и ты без него с недельку обойдёшься, а вот что мне с секретарём делать?

И сели они думать вместе...

А потом Ольга Ивановна уговорила огорчённую Ирину согласиться временно на должность секретаря, пока Иван Михайлович будет искать подходящую кандидатуру.

– И он (имелся в виду руководитель – Сергей Владимирович) согласится с графиком с десяти до семнадцати?

– За это не волнуйся, предоставь это мне.

– А как же Вы без курьера справитесь? Или другого будете брать?

– Никого другого я брать не собираюсь, тебя подождём.

Как-то же раньше справлялись. Да и вообще, Сергей Владимирович не часто на месте сидит, где-то в его отсутствие, и ты нам поможешь...

К Сергею Владимировичу зашли вдвоём – главбух и начальник отдела кадров, так сказать, ударили тяжёлой артиллерией, а Ирина осталась в предбаннике, с тоской осматривая своё будущее рабочее место, заваленное бумагами и обёртками от шоколадок. Своего начальника отдела кадров и главбуха руководитель уважал, а последнюю – даже побаивался. Когда Ольга Ивановна в чём-то не была согласна с ним, она произносила елеиным тоном: «Как скажете, Сергей Владимирович», подразумевая: ты – начальник, я – дурак, и Сергей понимал, что дальше настаивать – себе дороже, и лучше сделать так, как говорит опытный и знающий главбух. Ему было всё равно, кто займёт кресло секретаря, лишь бы была элементарно аккуратна, но раздражало, что ещё без году неделя, а уже ставит какие-то условия из-за мифических семейных обстоятельств.

– Даю тебе, Михалыч, сроку – месяц на поиск секретаря. Вот ещё проблему нашли. А ты, Ольга Ивановна, курьера сама себе ищи.

– Сергей Владимирович, я искать никого не буду. Как-нибудь месяц перекрутимся, а потом Ирина в бухгалтерию вернётся.

– И что ты за неё уцепилась?

– Хороших ответственных работников сейчас днём с ог-

нём не сыщешь, да ещё и на такую маленькую зарплату.

– Ладно, идите. И позовите мне её.

Ирина вошла в кабинет спокойно и остановилась у края стола. Руководителя фирмы она видела впервые: одет с иголочки, чувствуется, что одежда дорогая, брендовая, лицо волевое, красивое (даже слишком красивое – Ирина такие не любила). Да к тому же и хам – осмотрел её всю, как манекен на выставке, с места не то чтоб не привстал, а даже сесть ей не предложил. А потом ещё добавила про себя – «самовлюблённый придурок», когда Сергей Владимирович произнёс:

– Если бы было можно, я бы в трудовом договоре вписал непременно условие: «В руководителя не влюбляться, не кокетничать, не приставать».

– За это можете не переживать, я Вас как мужчину и не воспринимаю.

– Почему же?

– В вас всё на мой вкус слишком: слишком красивы, слишком богаты, слишком самоуверенны...

(Ирина понимала, что говорит непозволительные дерзости, но, в конце концов, она им сейчас нужна больше, чем ей эта работа, а она никогда не держалась за место, и, тем более, никому не позволяла обращаться с собой уничижительно. А этот местный князёк, видимо, решил сразу поставить её на место...)

– Тем лучше... Завтра меня до обеда не будет: у тебя будет куча времени привести в порядок дела.

(Ирину покорило обращение на «ты». Они с Сергеем Владимировичем были примерно одного возраста, а может он даже её и чуть младше, но после такого вступления ожидать уважительного «Вы» не приходилось. Ладно, придётся потерпеть месяц)

– Дресс-код?

– Мне фиалетово... Да, и не краситься.

– Всё понятно. Могу идти?

– Да.

Ирина развернулась и вышла из кабинета в страшном раздражении, очень хотелось громко хлопнуть дверью и уйти.

Сергей тоже остался в раздражении. Во-первых, его вообще раздражала вся сложившаяся ситуация. Ему надоело менять женщин, как печатки, последнее время хотелось какой-то стабильности и предсказуемости. Он даже подумывал о женитьбе на Анжеле. А что? С ней не стыдно показаться в любом обществе – когда надо, та умела выгодно себя преподнести, это позволяла не только яркая внешность, но и хваткий природный ум. Если бы не эта её любовь к театрализованной показной ревности... Но, может, это пройдёт после штампа в паспорте? Во-вторых, ситуация с заказчиком как-то выходила из-под контроля, а тут эта раздражающая возня с секретарём... Сергей терпеть не мог препятствий на ровном месте. ...А в женщине чувствуется характер, что тоже раздражает. Ну, и ещё капелька раздражения, что... она не видела в нём мужчину, но это так, совсем чуть-чуть...

² – в переводе с английского: дар, талант, дарование, способность

3

На следующий день Сергей Владимирович не появился на рабочем месте, и у Ирины было время навести порядок на столе и хоть немного разобраться в компьютере. Она аккуратно разложила письма на входящие и исходящие. По каким-то вопросам, которые встречались часто и образовывали переписку, составила отдельные папки, продублировав бумаги. С компьютером было сложнее, но здесь добровольно вызвался помочь Иван Михайлович. Звонки фиксировала в специальном журнале. А с кофемашиной на маленькой кухоньке и холодильником решила разобраться завтра. Ушла принципиально в 17.00, хотя дома никаких особенных дел не было, просто решила строго соблюдать график работы.

А назавтра Сергей Владимирович явился с утра и по дороге в кабинет буркнул Ирине: «Кофе». Пришлось заваривать ему растворимый, от которого он весь скривился. Но Ирина не дала ему возможность высказать очередную грубость, она уже знала, что лучшее оружие с ним – обезоруживающая вежливость (Ольга Ивановна, спасибо, подсказала) и с самым серьёзным видом принялась записывать в свой секретарский блокнот, какой кофе он любит больше всего?

После обеда Сергей Владимирович отчалил, а у Ирины появилось время освоить кофемашину и разобраться с содержимым холодильника. И здесь опять помог начальник отдела кадров.

– Вы прямо таки всё знаете, Иван Михайлович, как будто сами работали секретарём...

– Было дело, – смутился тот.

– А, так вот почему Вы так быстренько хотели кого-нибудь сюда посадить, чтоб самому не сидеть...

Оба весело рассмеялись, и так между ними установились теплые дружеские отношения.

4

Месяц пролетел не заметно. Сергея вполне устраивала новая секретарша. Она была доброжелательно-вежлива. Нужные бумаги волшебным образом всегда оказывались под рукой. Незаметно у него вошло в привычку завтракать на работе, потому что Ирина варила очень вкусный кофе, а аппетитные бутерброды всегда были на свежайшем хлебе. Секрет был прост: хлеб сразу нарезался на кусочки и держался в морозилке, поэтому после разогрева пары кусочков в микроволновке, он был на вкус и запах, как только из печи. А кофе Ирина варила по рецептам из «Кофейных историй»³ – давно хотела их освоить, но для себя это было лениво, а тут случай представился, и записывала, какой рецепт понра-

вился начальству, а какой – нет. Хоть он и был невоспитанным неандертальцем, но специально вредничать было не в её характере. А в кабинет она всегда входила с блокнотом и ручкой, сама, без приглашения, усаживалась за стол, и аккуратно записывала, и, также аккуратно, выполняла его поручения.

Кандидатки на должность секретаря приходили в основном молодые (думали, что в объявлении опечатка про возраст) и пока у строгого Ивана Михайловича никто даже не дошёл до теста на IQ. А в тайне он лелеял надежду, что Ирина останется секретарём и дальше. У него вошло в привычку обязательно заглядывать в предбанник и получать в ответ открытую радостную улыбку, от которой всегда поднималось настроение.

Потянулась в секретарскую и молодежь: девчонки за советом опытной женщины (Ольга Ивановна всегда была страшно занята, а больше женщин в возрасте на фирме не было). А с ребятами Ирина познакомилась за теннисным столом. На фирме для сотрудников был небольшой тренажёрный зал и комнатка с настольным теннисом. Тренажёрный зал сейчас практически пустовал, ажиотаж первых дней быстро иссяк. А вот в настольный теннис весь обеденный перерыв резались с удовольствием. Ирина быстро обыграла всех девчонок, и даже парням приходилось с ней туго. Этим, а ещё своим незлобивым юмором, Ирина завоевала уважение ребят. В комнатке во время перерыва теперь то и дело раздавался

ХОХОТ.

³ – Сборник Ирины Ролдугиной «Кофейные истории», где каждая повесть начинается с оригинального рецепта кофе.

5

Пошёл второй месяц работы Ирины в должности секретаря. Сергей Владимирович действительно часто отсутствовал, и у Ирины получалось совмещать работу курьера (звонки тогда переводились на начальника отдела кадров). А уж когда она не могла отъехать, бухгалтерия справлялась сама. Ирина и сама втянулась в работу, но к Ивану Михайловичу для порядка сходила. «Потерпи, дружок, – сказал ей тот, – сама видишь, кто приходит на собеседование...» Ирина, конечно, понимала, что начальник отдела кадров не рвёт когти в поисках новой секретарши, но, поскольку и с Сергеем Владимировичем у них наладились уважительные отношения, решила пока остаться. Начальник больше не сопел сердито, когда она без приглашения усаживалась за стол у него в кабинете (тем более, что при посторонних Ирина этого не делала). Она чётко уходила с работы в 17 часов, а нужно это было ей, чтобы успевать в театры и на концерты, куда любила приходиться заранее, чтобы успеть в буфет (театр, как известно, начинается с вешалки, а продолжается в буфете). Да и примарафетиться надо было успеть. Хоть раз в неделю по-

чувствовать себя элегантной дамой.

Перелом в отношении к ней руководителя произошёл недели через три после начала её работы в качестве секретаря. Сергей Владимирович собрал совещание ведущих руководителей направлений для первого мозгового штурма нового заказа и ему понадобился протокол собрания. Ирина тогда ещё не всех знала, но с заданием справилась. Она пронумеровала участников совещания по его месту за столом, а потом с помощью Олега Семёновича восстановила их фамилии и должности. Старалась записывать кратко, лишь бы не упустить сути того, что говорил тот или иной руководитель. И плюс к тому включила диктофон. Поэтому протокол представила Сергею Владимировичу в нескольких вариантах: как стенограмму, как перечень идей по каждому из поднимавшихся вопросов и как перечень того, что говорил каждый из руководителей направления. Получился не просто протокол, но ещё и анализ креативности его сотрудников. Удивительным образом высветилась проблема, над которой Сергей и сам уже не раз задумывался: слабость руководителя отдела рекламных компаний – Никиты Кузнецова. Последний мог часами говорить о загруженности своего отдела, рассуждать о непредсказуемости прихода вдохновения, но конкретики от него было не дожидаться – отделялся общими фразами. В перечне идей, которые высказывал каждый из руководителей, напротив его фамилии стоял прочерк. А пробежавшись глазами по стенограмме, Сергей увидел опять только изби-

тые фразы, а, значит, прочерк стоял правильно. «Кажется, я отхватил ещё одного ценного сотрудника», – подумал Сергей и позвал Михалыча посоветоваться.

– Может нам не искать больше секретаря? Ирина вроде хорошо справляется...

– Я с Вами совершенно согласен. Только вот согласится ли она и Ольга Ивановна?

– Ну, Ольгу Ивановну-то мы уломаем, а Ирине вроде тоже всё нравится?

– Мне тоже так кажется, но она всё время интересуется, как продвигаются поиски секретаря.

– Чего ей неймётся? После пяти я её не задерживаю. А, кстати, ты не знаешь, куда она так торопится убежать? У неё что – семеро по лавкам?

– У неё один взрослый сын и, насколько я знаю, живёт где-то далеко. А график такой попросила сразу, чтобы не отпрашиваться у Вас, когда идёт в театр или на концерт.

– И всего то? Слушай, может ей зарплату прибавить – фиг с ними, с этими двумя часами недоработки? Давай, подключи Ольгу Ивановну, может она что посоветует...

6

Также незаметно, как и первый, проскочил второй месяц секретарства Ирины. Она уже понимала, что, скорей всего, застрянет на этой должности. В принципе, это было интерес-

ней, чем работа курьера – она познакомилась почти со всеми сотрудниками, к ней хорошо относились. Ей всегда нравился широкий круг общения, к чему она привыкла на прежней работе. Но если там в её подчинении была треть этого круга и она отвечала и за их работу тоже, то здесь не было такого груза ответственности, отвечала она только за себя. Сергей Владимирович стал относиться к ней гораздо мягче, на её уходы в 17 часов не покушался. Так что, когда Ольга Ивановна вызвала её на разговор, Ирина уже была морально готова остаться на должности секретаря. А когда придёт время ехать в путешествие, а они с подругами приурочивали его к майским праздникам, Ирина не сомневалась, что её отпустят. А, если не отпустят, так никто ведь не сможет помешать ей уволиться, правда?

7

Приближалось 23 февраля. Девчонки забегали в поисках подарков. И у Ирины появилась возможность вспомнить, как весело отмечались все праздники в ДК. Что ж тут удивительного? Народ был сплошь творческий. На каждом празднике казалось, что уже нечего будет придумывать на следующий, но это далеко оказывалось не так... С бывшими сотрудниками Ирина поддерживала связь, а вот по таким совместным посиделкам очень скучала.

Когда Ирина предложила к обычным подаркам добавить

небольшой фуршет и поздравления в стихах – девчонки со скепсисом, но согласились. А с первой сходки, где уже наметили, что кому напишут и как накроют стол, – уходили воодушевлённые. А на второй вообще пищали от восторга, когда Ирина прочитала стихи для начальства (она всю неделю выспрашивала у девчонок про начальников отделов, поскольку накоротке знала только двоих: начальника отдела кадров – Ивана Михайловича Кутепова и начальника охраны Олега Семёновича Цветкова). А некоторые девочки, с удивлением найдя в себе пусть не талант, а, хотя бы, способности, тоже зачитали свои четверостишья ребятам из своих отделов. И на этом воодушевлении коллективно досочинили остальным.

За разрешением на фуршет отрядили к Сергею Владимировичу главбуха. Из кабинета директора Ольга Ивановна вышла не только с разрешением, но и с выделенной на фуршет суммой.

Собрались накануне праздника за час до окончания короткого трудового дня. На столе красовалось небольшое количество вина (многие были на машинах, поэтому пить особо было некому), вазы с фруктами и тарелки с небольшими бутербродами с красной икрой и маленькими разнообразными канапе. От стихов и стола мужчины обалдели. А стихи начальству под названием «Плагиат из «Евгения Онегина» пришлось ксерить куче желающих. Оригинал забрал себе Сергей Владимирович.

Плагиат из «Евгения Онегина

»

Прими собрание плод забав:
Полусмешной, полупечальный,
Простонародный и не идеальный,
(В стихах ведь я не профессионал).
Бессонниц, легких вдохновений,
Незрелых и увядших лет,
Ума холодных наблюдений
И сердца горестных замет.

А наш **СВ** – столь строгих правил,
Когда не в духе – **Генерал**,
Так уважать себя заставил,
Что даже Комаров икал.

Цветкова нам пример – наука,
Не лёгкая ведь это штука,
В охране быть и день и ночь,
Не отходя ни шагу прочь.
Какое всё-таки коварство,
Потом подушки поправлять,
Пиявкам тело подставлять,
Пить очень горькие лекарства,
Вздыхать и думать не шутя:

«Олежек, береги себя!»

Так думал **Кузнецов** – повеса,
Уйдя в астрал от суеты Москвы,
Поклонник Валла⁴ и Гермеса⁵,
Амурных дел и выходных.

Друзья **Кокорина** Володи!
В его отзывчивой природе,
Хоть с предисловьем не на час,
Исправить всё, что мучит нас.

Не то, что **Иванов** – приятель,
С компьютерами он на «ты»,
Не терпит слов и суеты,
Программных дел большой ваятель.
С ним пообщавшись, понял я,
Что вреден сервер для меня.

Служа спокойно, благоверно,
Кутепов, в наших кадрах спец,
К начальству ездил ежедневно,
И замотался бы в конец,
Но тут судьба его хранила,
Сперва МН за ним ходила,
Шевченко вслед её сменил,

А то бы свет уж был не мил.

А Поликарпова – художника от Бога,
Чтоб не обиделось дитя,
СВ корил всегда шутя,
Не докучал моралью строгой,
Слегка за шалости ругал,
Домой пораньше отпускал.
Он всё умеет понемногу,
Чего-нибудь и как-нибудь,
Но воспитаньем же, ей богу,
Ему не суждено блеснуть.

Вот **Цыганков**, по мнению многих
Судей решительных и строгих, -
Наш малый славный, но педант.
Имеет счастливый талант
Спротивляться в разговоре.
Ворчать о многом, но слегка,
И с мрачным видом знатока
Хранить молчанье и, уже не споря,
Всё делать чётко и стремглав
Под гнётом истеричных дам.

Кто б ни был, ты, мой строгий зритель,
Друг, недруг, я хочу с тобой

Расстаться нынче как приятель.
Прости! Чего бы ты за мной
Здесь не искал в строфах небрежных,
Воспоминаний ли мятежных,
Отдохновенья от трудов,
Живых картин иль острых слов,
Иль грамматических ошибок,
Дай бог, чтоб в этой шутке ты
Для развлечения, для мечты,
Для сердца и для спора сшибок,
Хотя крупицу мог найти!
За сим я говорю – прости!

⁴ – Лоренцо Валла – итальянский [гуманист](#). Считал естественным всё то, что служит самосохранению, удовольствию, счастью человека (*из Википедии*)

⁵ – один из самых многозначных греческих богов, в том числе, считался обладающим даром красноречия.

8

«Надо же, как метко всё подметила, наши, наверное, помогали. То-то, я заметил вокруг секретарского стола постоянное кружение народа последнее время, – думал Сергей, перечитывая стихи, – хороший, душевный праздник получился!»

Сашка Цыганков, начальник отдела маркетинга, вопреки своей развесёлой фамилии, действительно, в начале любого дела всегда ворчал, что ничего не получится, потом хмуро отмалчивался, и в итоге выдавал готовое решение в наилучшем виде. Ещё один Сашка – Иванов, начальник компьютерного отдела, был тот ещё молчун. Он обожал только свои компьютеры и очень не уважал людей, которые, по его мнению, не умеют на них работать. Зато птица-говорун Володька Кокорин, начальник отдела текстовой рекламы, в соответствии с названием своего отдела, говорил почти без остановки. Вкупе с заиканием, слушать это было тяжело. Он умел всё, но каждый раз приходилось выслушивать целую лекцию на тему того дела, с чем его позвали помочь. Игорь Поликарпов был признанным гением рисованной рекламы, но характер имел прескверный. Поскольку был туговат на одно ухо, часто делал вид, что не слышит, когда к нему обращаются. А ещё позволял себе отгулы за прогулы. Но результаты выдавал феноменальные, за это ему прощалось то, что недопустимо было для других (Сергей Владимирович был повёрнут на трудовой дисциплине). Чтобы оценить четверостишие про Никиту Кузнецова (начальника отдела рекламных компаний), Сергей Владимирович, даже полез в компьютер, поскольку имя Валла ему было совсем не знакомо, и при чём тут Гермес – он не понял. По-простому получился болтун и себялюбец, кем, собственно, Никита и являлся. Иван Кутепов, начальник отдела кадров, дей-

ствительно, замотался ездить по вопросу оформления иногородних и иностранных граждан (из бывших союзных республик), поскольку начальники отделов подбирали себе кадры не по прописке, а по таланту, и не смотрели на штамп в паспорте. А ты их бегай, оформляй, как хочешь! Повезло, что смогли «навести мосты» сначала с секретаршей Шевченко – Мариной Николаевной, а потом и с ним самим. А ещё один «горящий» на работе – Олег Цветков, начальник охраны, доработался до скорой, на которой его с подозрением на инфаркт увезли прямо с работы поздно вечером. А теперь, как в стихах, ходил ставить пиявки и глотал горстями таблетки. Ну, а то, что обычно за глаза его самого называли СВ, а когда был не в духе – Генералом, Сергей тоже знал.

Своими восторгами по поводу устроенного праздника Сергей поделился с Анжелой, и даже прочёл ей стихотворение Ирины с комментариями. И Анжела решила появиться на фирме, чтобы своими глазами увидеть новую секретаршу – а так ли она стара, как уверяет её мужчина? Анжела ревностно охраняла Сергея от женского внимания: вот дотащит она его до ЗАГСа, тогда можно будет немного и расслабиться, а сейчас – держи ухо остро, подруга!

9

Был уже шестой час, СВ после обеда так и не вернулся, и Ирина, переодевшись в платье, наводила последние штрихи

в своём макияже, как вдруг услышала чей-то злобный голос:

– Что, думаешь, марафет навела и из жабы в принцессу превратилась?

Ирина ошалела от такой грубости и, повернувшись, столкнулась со змеиным взглядом накрашенной высокой блондинки.

– А Вы, собственно, кто?

– Жену своего начальника надо знать в лицо

– Даже это не даёт Вам право обращаться с незнакомыми людьми на «ты»

– Буду я ещё тут каждой секретутке «Вы» говорить. Знаю я вас. (И смерила Ирину презрительным взглядом с головы до ног, и той очень этот взгляд напомнил взгляд другого человека пару месяцев назад). Старуха уже, а туда же... Ты лучше губки свои силиконовые закатай и зубки свои остренькие на моего мужа не точи – быстренько обломаю.

– Да что Вы, у меня же вставные челюсти, мужчины мне уже не по зубам...

– Ишь, ты, хохмачка, глазищи свои зеленые на меня выкатила... Ширяешься или капаешь, чтобы блестели?

– Так это же линзы...

– Ага, а ресницы наклеенные...

– Конечно...

– А волосы...

– Парик...

– Вот сейчас и проверим...

И блондинка потянулась через бортик секретарского стола, пытаясь ухватить Ирину за волосы, а та схватила вазу с розами, стоящую у неё на столе, и со словами «Охолонь немного» выплеснула воду вместе с цветами на блондинку... и подоспевшего к концу разборки Олега Семёновича. Он схватил вырывающуюся Анжелику за руки со спины, а та, извиваясь, орала вслед уходящей Ирине: «Дрянь, сука, испортила мне костюм, это не твоя хламида с колхозного рынка, ты мне за это заплатишь... Сучка драная, б..., проститутка, карга старая, сволочь толстозадая, лошадь кривоногая...»

И ещё много чего услышала Ирина, пока спускалась по лестнице к выходу. Вечер был безнадёжно испорчен. Не помогла даже музыка любимого Рахманинова. В голову постоянно лезли слова разъярённой стервы. Ирина пыталась отнестись к ситуации с юмором, но это не удавалось.

Олег Семёнович был на очередных процедурах с пиявками и начало конфликта не застал, а когда вернулся на работу и увидел растерянного Вовчика, а главное, услышал из монитора визгливый голос Анжелики, сразу рванул вверх и попал под конец разборки и... под розы с водой. Он затащил упирающуюся девушку в кабинет директора, и попробовал дозвониться Сергею Владимировичу. «Он на встрече, телефон выключил», – сказала подозрительно быстро успокоившаяся Анжела. «А эта сучка драная у вас последний день работает», – добавила она довольным голосом. Олег Семёнович покачал головой и сказал: «Давайте я Вас домой отвезу».

Когда они с Анжеликой проходили мимо Вовчика, Олег Семенович грозно на него зыркнул, и тот в оправдание пробормотал: «Я Вам сразу позвонил, а Вы не ответили...» «Вот, чёрт, звук на телефоне забыл включить...»

Около десяти часов в офис вернулся Сергей Владимирович. Переговоры затянулись, кончились в итоге ничем, и злой и голодный Сергей решил вернуться в офис и там переночевать – сил тащиться домой за город уже не было. Кроме того он знал, что в холодильнике на работе у Ирины всегда можно будет найти хоть пару бутербродов.

Когда он зашёл в офис и услышал голос Анжелики из комнатки вахты – очень удивился и зашёл туда. На экране монитора Анжела с Семёнычем как раз обтекали водой. «Развлекаетесь?», – отвлёк от видео ночных охранников Сергей Владимирович. Те испуганно отпрянули от монитора. Сергей забрал диск с записью и поднялся наверх. Когда он включил телефон – там высветилась куча неотвеченных звонков от Анжелы и Олега Семёновича.

– Семёныч, ты где?

– Проводил Анжелику домой, еду обратно. Вы уже видели запись?

– Да, сподобился. Многие в офисе знают?

– Шести ещё не было, так что все были на работе, а кричала Анжела – Вы сами слышали...

– С ней я сам разберусь. А ты где был? Почему сразу не вмешался?

– Да на пивках я был, будь они не ладны, а Вовчик не мог вмешаться, потому что один на посту остался. Время-то к шести приближалось – Колька с Толяном в обход уже ушли... Сергей Владимирович, Вы это..., с Ириной-то как? Анжела сказала, что Вы её уволите...

– А тебе что, не хочется этого?

– Жалко. Хорошая женщина, душевная.

– Ладно, с этим я тоже сам как-нибудь разберусь...

Увольнять Ирину Сергей Владимирович не собирался. Таких, как Анжела, – пруд пруди. А таких сотрудников, как Ирина – на вес золота. Давно надо было порвать с Анжелой, а то, видишь ли, уже женой себя вообразила. Так что это дело – решённое. Резко обрывать отношения с женщинами Сергей умел – имелся большой опыт по этой части. А вот как завтра объясняться с Ириной – не знал. Приносить извинения он не умел. Сделать вид, что ничего не случилось, вряд ли получится, что-то ему подсказывало, что Ирина этого не позволит...

10

Ирина сгоряча решила, что завтра же уволится. А потом решила посмотреть на реакцию директора. Ну и стерву же он себе подобрал, как с такой можно ужиться? Или она с ним как ласковая кошечка? А шипит и когти выпускает только в сторону соперниц? Ну, какая она-то ей соперница? Что это

вчера за представление было? Смешно, ей, богу, если бы не было так обидно вспоминать некоторые слова... Конечно, к пятидесяти пяти годам фигура расплылась. Ирина и в молодости не обладала фигурой манекенщицы, но тонкая талия и аппетитные нижние формы присутствовали... А теперь и там и тут лишние килограммы никак не убирались ни диетами, ни упражнениями...

На внутренних весах настроение колебалось от возмущения к «будь, что будет» всё утро. Она, конечно, была в курсе, что никакая Анжела не жена, но какое сейчас имеет значение штамп в паспорте? СВ был вместе с Анжелой уже полтора года, и Ирина вполне признавала за ней право считать себя женой. Знала она также и то, что за это время «жена» турнула с работы уже трёх секретарш. И, похоже, она будет четвёртой в этой очереди...

Когда неожиданно раздался звонок внутреннего телефона и Сергей Владимирович пригласил Ирину зайти к себе в кабинет, она очень удивилась (не знала, что он ночевал в офисе) и как раз была в фазе боевого возмущения. Поэтому в кабинет влетела с горящими искрами в глазах. И тут Сергей, наконец-то, её узнал...

Где-то на четвертом или пятом курсе института он присутствовал на комсомольском собрании одной из групп своего курса. На собрании должен был решаться вопрос об отчислении из ВЛКСМ, а потом и из института, одного троеч-

ника и прогульщика. Сергей присутствовал на собрании, так как был комсоргом курса. Староста и он же комсорг группы, постепенно распаяясь, говорил об ответственности за то, какими инженерами и людьми должны выходить из стен МВТУ имени революционера Николая Баумана, нынешние студенты. И, похоже, был готов договориться чуть ли не до измены Родине. Сергей прервал его и предложил заслушать «обвиняемого», кажется, его звали Валерой, и высказаться сокурсникам. В аудитории повисла неловкая тишина. Валера стоял весь в красных пятнах, смотрел в пол и упрямо молчал. Только руки были напряжённо сжаты в кулаки. Его дружба по группе тоже молчали – они недалеко по прогулкам и успеваемости «отставали» от Валеры, и вполне могли оказаться на его месте. И тут, вдруг, в середине аудитории вскочила девчонка и горячо заговорила о том, что мы ломаем человеку судьбу и жизнь, что Валера умный и способный парень, мало ли какие обстоятельства заставляют его пропускать занятия (Валера был иногородним, пропускной балл для них был гораздо выше, чем для москвичей, и раз он поступил – это уже о многом говорило. Кроме того, почти все иногородние где-то подрабатывали, чтобы не тянуть денег с родителей, и Валера был из их числа). И ещё неизвестно кто будет лучшим инженером: троечник Валера или отличник Слава. Всё это девчонка выпалила с ярко горящими зелеными глазами, гневно уставившись на комсорга Славку...

Совсем так, так сейчас смотрела на него, Сергея, Ирина.

...Эти зелёные глаза, да ещё длинная коса, ниже пояса, в кулак толщиной запали в душу Сергея, и он потом осторожно выспросил у Славы кто она такая. Девушку звали Ирина Заварзина, была она умница, отличница, культорг группы, а ещё у неё была любовь с одноклассником Володькой Решетниковым, и они собирались пожениться. Комсорг курса Сергей Кольцов понял, что о девушке надо побыстрее забыть...

Неудивительно, что он её сразу не узнал: прошло больше тридцати лет, вместо девочки с косой перед ним стояла женщина в возрасте с короткой стрижкой. Но удивительная вещь – человеческая память! – момент узнавания свершился, и Сергей ясно увидел в ней ту девочку из молодости... Да и он сильно изменился, она ведь его тоже не узнала... Или вообще не запомнила?

Всё это Сергей обдумывал уже после того, как сказал Ирине заранее продуманную фразу: «На обед не уходите, Вы мне понадобятся» и она вышла из его кабинета с уверенностью, что патрон решил сделать вид, что ничего не случилось. Такая манера поведения плюс подчёркнутое «Вы», вместо извинений, была свойственна и её предыдущему директору Юрию Васильевичу. Значит, увольнение ей не грозит, а насчет того, принять или не принять правила его игры, она ещё подумает.

А Сергей попросил Ивана Михайловича принести личное дело Ирины.

– Неужели и, правда, увольнять думаете?

– И ты, Михалыч, туда же?

– Давайте хоть в курьеры вернём, Ольга Ивановна обрадуется...

– Обойдётся Ольга Ивановна. Никого я увольнять не собираюсь. Так, кое-что проверить надо.

11

Всё-таки она была замужем за Володькой – фамилия Решетникова значилась уже в дипломе, а потом и почти год в трудовой книжке, когда она работала учителем математики в вечерней школе посёлка Н. Балахнинского района Горьковской области. (Каким ветром их туда занесло после института было не понятно. Насколько он помнил, оба были москвичами). Потом с Володькой, видимо, что-то не срослось, и запись в трудовой гласила о возвращении в Москву и должности инженера. И тут следующая смена фамилии на сегодняшнюю – Петрова. Потом перевод в ДК и там карьерный рост от заведующей сектора до заместителя директора. Раздел наград в трудовой книжке тоже не пустовал, а был заполнен благодарностями и всякими смешными теперь званиями (типа «лучший молодой специалист» какого-то лохмато-

го года).

Из анкеты следовало, что Ирина разведена и имеет взрослого сына.

Тут было над чем поразмыслить. Не просто же так судьба посылает ему вторую встречу с этой женщиной?

И совместный обед, который в качестве извинений задумал Сергей, он отменил. Надо решить, как ему с ней себя вести? Напоминать об институте? И вообще, надо ли *ему* это возобновление знакомства, которого по сути и не было?

12

На фирме прошёл слух, что СВ порвал с Анжелой, а, значит, Ирине увольнение не грозит. А не будет ли следующая «подруга» директора ещё хуже предыдущей – вопрос остался открытым. Ирина же решила не нагнетать обстановку: работа и зарплата её устраивали, Сергей Владимирович явно показал, что её работой он дорожит, так что ситуация сошла на «нет» сама собой.

СВ был опять где-то на переговорах, курьера в бухгалтерию пришлось всё-таки взять, и у Ирины вместе с прибавкой зарплаты появилась куча свободного времени. Её деятельной натуре было скучно. И она, наконец, решилась подойти к Игорьку Поликарпову, так как ей показалось, что он единственный был неприятно задет её стихами. Игорь, как всегда, сделал вид, что ничего не слышит, ничего не видит.

Ирина потопталась за его спиной, рассматривая симпатичных детишек на экране его монитора (Поликарпов разрабатывал фантики к каким-то детским конфетам) и ушла, так и не решившись заговорить. А по дороге на своё рабочее место ей пришло в голову смешное двестишьё, очень подходящее к эскизу, который увидела на мониторе. Ирина нашла внутренний адрес Игорька и послала ему двестишьё со словами: «Может пригодиться?» Где-то через час она получила на свою внутреннюю почту другой рисунок, правда, без подписи. Но ведь и так было ясно, что это приглашение к диалогу? Под второй рисунок ничего путного в голову не приходило, и, промучившись до конца рабочего дня, написала ответ: «Не клеится. Может во сне что придёт? До завтра».

На следующий день прилетела на работу и первым делом отправила Игорьку сложившееся к утру стихотворение из двенадцати строф, которое включало в себя и первые два. Ответа не дождалась, поскольку позвонил Сергей Владимирович и попросил срочно организовать горячий обед на пять персон в его кабинете минут через пятнадцать. Прямо-таки задание для Золушки! Ирина дозвонилась в ближайший ресторан, но там пообещали доставку комплексных обедов на пять персон только через 30-40 минут. Тогда Ирина заказала у них горячее, а с закусками решила обойтись собственными силами. Повезло, что новый курьер – Танечка, была свободна. Они вдвоём быстро нарезали всё, что у них было в холодильнике, нанизали на шпажки, купленные ещё к 23 фев-

раля, и выставили на стол тарелки с разноцветными канапе. «Вино ставить?» – шёпотом спросила у Сергея Владимировича, тот кивнул. Пока гости мыли руки, Ирина быстренько сварганила каждому яичницу-глазунью в хлебе⁶, а тут и подоспело жаркое из ресторана. Танечка за это время сбегала в кондитерскую на первом этаже их здания за пирожными, а Ирина колдовала над кофе для гостей. Так в четыре руки и справились.

В компьютер смогла заглянуть только в конце рабочего дня. Там было два письма от Игоря. Первое: «Надо поговорить», второе: «Завтра с утра». Игорь даже не поленился спуститься к Ирине на второй этаж, когда не получил от неё ответа на первое письмо. С заказом на эскизы новых конфет он возился давно, и у него никак не получалось выстроить целостную концепцию. Эскизов было много, все они ему нравились, но в общую картину не укладывались. И вдруг, это простенькое смешное стихотворение поставило всё на свои места. Но нужна была доработка, как стихотворения (требовались ещё четыре строчки), так и рисунков. В дверях секретарской столкнулся с Танечкой, та жестом показала, что заняты – во, под завязку. И тогда Игорёк послал Ирине второе письмо.

Назавтра до прихода СВ успели перекинуться с Игорьком только несколькими словами, и Ирина закутилась по своим секретарским делам. Как назло, вся неделя оказалась загруженной, а на ходу стихи не сочинялись, так что с Игорем

договорились встретиться в пятницу после пяти часов, когда офис опустеет, и они, наконец-то, смогут поработать в тишине.

Рисунков у Игоря оказалось не на одну, а на целых две серии: девчоночью и мальчиковую. Конфеты, конечно, не делились по этому принципу, но они решили, что это можно будет интересно обыграть в их рекламе. Параллельно возникла идея о коробке, из коробки сама собой выскочила игра... Жалко было останавливаться, раз уж идеи так и фонтанировали.

Ирина стала задерживаться после работы, чтобы спокойно поработать вдвоём. В один из таких вечеров их и застал на работе Сергей Владимирович. Он вернулся с очередной встречи, очень довольный её результатами, но как всегда голодный. Увидел свет в окнах пятого этажа и очень удивился, когда дежурный Вовчик сказал, что ещё не уходили с работы Ирина Петрова и Игорь Поликарпов. И что это случилось уже не раз...

Какого чёрта? Что их может связывать? И Сергей рванул на лифте сразу на пятый этаж. Хорошее настроение мигом улетучилось, когда он вошёл в комнату отдела рисованной рекламы и увидел два силуэта, сидящих рядом друг с другом. И вообще рассвирепел, когда мужчина и женщина рассмеялись над чем-то общим. Хорошо хоть не успел сказать ничего язвительного, которое так и рвалось с языка – вовремя притормозил, заметив на мониторе изображения детей.

Они что, вместе работают над рекламой конфет? Ирина-то тут при чём?

– Не ожидал кого-то увидеть на работе так поздно. (Оба обернулись с горящим азартом в глазах, синхронно перетёкшим в удивление). Ириш, хорошо, что ты ещё здесь. Я такой голодный! Приготовь мне что-нибудь по-быстрому.

– Игорёк, покажешь что-нибудь?..

Даже на беглый взгляд было понятно, что Поликарпов, как всегда, попал в десятку. И стало понятна роль Ирины: под всеми рисунками были смешные двестишья. А ещё было очевидно, что наработали они гораздо больший объём, чем требовалось по заказу...

– Ты, похоже, уже раза три выполнил задание...

– Идеи интересные, никак не можем остановиться...

– Давай-ка, друг мой, ты ко мне прямо с утра завтра часов в десять приходи со всем, что наработал...

Ирина никак не могла понять поведение СВ последнее время, эти его непонятные переходы с «ты» на «Вы» и обратно. Юрий Васильевич тоже называл Ирину то на «ты», то на «Вы», но это было связано с тем, сердился ли он на неё, когда она с ним спорила, не соглашаясь на какое-либо его решение (тогда звучало «Вы»), или между ними было единодушие. То, что у СВ это началось после истории с Анжелой, было понятно. Неужели обтекание бывшей любовницы розами вызвало такое уважение у начальника? А это его се-

годняшнее «ты» прозвучало вообще, как будто он обращался к ... жене. Ирина женским чутьём чувствовала изменение в отношении к себе СВ, какой-то внимательный интерес, как будто он к ней приглядывался, но, памятуя о возрасте его любовниц, никак не могла связать это с его интересом к ней, как к женщине.

В холодильнике ничего особенного не было, поэтому пришлось варганить яичницу из того, что было: кусочек вареной колбасы, несколько ломтиков бекона, болгарский перец... Когда выкладывала на тарелку перед СВ, пошутила:

– Получился на ужин завтрак холостяка. Извините, ничего другого не оказалось.

Сергей Владимирович коротко взглянул на Ирину, выражение глаз она уловить не успела, и сказал неожиданное:

– Зато быстро управлюсь. Вы меня подождите немного, и я Вас подвезу домой.

– Да время совсем не позднее, я после концертов иногда ещё позже возвращаюсь...

– По концертам я с Вами не хожу, а здесь, уж, поскольку задержал, то подвезу. Хотите кусочек? Мне многовато одному...

– Ой, надо было, наверное, Игорьку предложить...

– Он уже ушёл домой...

– Тогда давайте мне – пахнет аппетитно, только совсем чуть-чуть...

Странная это была трапеза, почти семейная, если бы не в

кабинете на работе...

И в машине СВ практически молчал, задал наводящий вопрос, как сложилось их с Игорем сотрудничество, а дальше слушал как-то отстранённо, казалось, что думал совсем об ином, хотя и вставлял иногда реплики по делу... Да ещё как-то непонятно (в машине было темновато – не разглядишь) коротко поглядывал на Ирину, так что она как-то смутилась, и от этого с удвоенной энергией рассказывала об их творческом тандеме с Игорьком...

А Сергей в это время думал: «Надо же, столько лет прошло, а она так и осталась умницей, отличницей, комсомолкой, красавицей...»

⁶ – рецепт яичницы-глазуньи в хлебе

Ингредиенты:

2 яйца,

20 г сливочного масла,

соль,

молотый чёрный перец,

2 ломтика свежего белого или чёрного хлеба,

сыр,

зелень

Способ приготовления:

Аккуратно вырезать мякиш из ломтиков хлеба, оставив только хлебную корочку.

Растопить на сковороде сливочное масло и слегка поджарить на нём хлебную корочку с одной стороны. Потом перевернуть и вбить яйца. Посолить и поперчить по вкусу, осторожно помешивая белок, чтобы не нарушить целостность желтка.

Сыр натереть на мелкой тёрке. Посыпать им ломтики с яичницей ещё на сковороде, чтобы сыр немного подтаял. Выложить на тарелки и украсить зеленью перед подачей.

13

На следующий день после того, как Игорь и Ирина показали СВ всё, что они сделали за последние две недели и даже рассказали то, что задумали, но не успели осуществить, он сказал:

– Вот, что, братцы, вы уже давно должны были остановиться и подключить к заказу остальных. Игорь, ты, как всегда увлёкся. Ну, ничего, мне кажется в этот раз Сашка (Цыганков, начальник отдела маркетинга) сможет раскрутить заказчика на все ваши идеи. А у Никиты уже почти готовый план рекламной компании вырисовывается из вашей концепции. (Игорь при имени Никита поморщился – он недолюбливал позёра и красная Кузнецова). В три ко мне всех

начальников отделов на совещание по этому заказу. Игорёк, не морщясь, пока все будут тебя догонять, ты успеешь доделать, что наметили, но дальше – всё, остановись. У нас новый большой заказ и ты мне нужен будешь там с отдохнувшими мозгами и свежими идеями. Всё, можешь идти.

– Ирина, а к Вам у меня такая просьба: попробуйте к понедельнику набросать план рекламной компании. И протокол сегодняшнего собрания мне нужен будет также в трёх вариантах, как Вы это сделали в прошлый раз.

Ирина вышла озадаченная из кабинета начальника. Во-первых, он опять перескочил на «Вы», когда они остались вдвоём. Во-вторых, поручил ей сделать то, что входило в компетенцию Никиты Кузнецова, как начальника отдела рекламных компаний. А в-третьих, у неё сложилось стойкое ощущение, что она не должна никому говорить об этом поручении. Что за головоломка? Ладно, посмотрим, что будет дальше.

На совещании работа Игоря с Ириной вызвала волну энтузиазма. Даже Сашка Цыганков пропустил стадию скептического ворчания, сразу перейдя к стадии хмурой сосредоточенности, а это означало, что он уже знает, как будет действовать. Володька Кокорин уже к середине совещания набросал кучу возможных слоганов для рекламы в своём блокноте. На жёсткие сроки – две недели на всё про всё, замахал руками только Кузнецов, впрочем, это было ожидаемо: его никакие сроки никогда не устраивали.

Итоги подвёл Сергей Владимирович: «Я помню, что у нас по контракту сроки ещё не горят, но нам предстоит огромная работа по новому заказу, и я хочу, чтобы вы все подчистили свои хвосты. Так, что, давайте – вперёд и с песней, как говорилось в мою комсомольскую молодость».

14

Ирине так радостно было окунуться опять в атмосферу творчества, что она все выходные работала и дома, переключаясь с протокола совещания на план рекламной компании и обратно. Надо же, когда по собственному согласию уходила на пенсию, ей казалось, что работа выжала её силы до доньшка, и пределом мечтания была простенькая бездумная работа. А, если бы не мизерная пенсия, то лучше и вообще не работать! Но не прошло и полугода, как она опять попала в водоворот творчества, и это ей нравится! И откуда силы берутся?

Когда она в понедельник отдала СВ и протокол совещания в трёх вариантах и план рекламной компании из семи пунктов, тот одобрительно хмыкнул: «Уже?» А сам подумал: «Интересно, сколько пунктов будет в плане отдела Кузнецова через две недели? Если меньше – уволю к чёртовой бабушке!» В протоколе в разделе идей напротив фамилии Кузнецов опять стоял ожидаемый прочерк.

Совещание через две недели проходило вполне миролюбиво (все отработали на совесть, как единая команда), пока не подошла очередь Кузнецова. Тот тоже вполне бодренько изложил своё видение рекламной компании, а Сергей Васильевич в это время что-то вычёркивал на небольшом листочке (Ирина догадалась, что он сравнивал её план с планом отдела рекламы. Ох, что-то сейчас будет!). Народ весь внутренне подобрался, так как их директор на глазах из СВ превращался в грозного Генерала.

– Скажи мне, Никита Николаевич, зачем мне нужен такой начальник отдела рекламы, который за две недели всем отделом делает меньше, чем посторонний человек за два дня? У меня есть кандидат на твою должность, который влёгкую набросал план из семи пунктов, в том числе и четырёх твоих.

В кабинете повисла напряжённая тишина. Ирина побелела, как полотно – так вот для чего он попросил её составить план! А Кузнецов как-то глупо продолжал улыбаться, не успев переключиться с пафосности своего доклада на суровую отповедь начальника. А потом произнёс:

– Если я Вас не устраиваю, то я уйду в «Меридиан», они давно меня зовут...

– Давай-давай, а я тебе ещё и положительную характеристику напишу, чтобы не передумали.

– И за мной уйдёт весь мой отдел

– А это мы ещё посмотрим... Всё, совещание закончено, Цыганков и Поликарпов – останьтесь, всем остальным – спасибо!

Ирина еле дождалась, пока все уйдут, и Сергей Владимирович останется один. Когда она влетела в его кабинет с горящими от гнева глазами, Сергей подумал: «Интересно, эта женщина всегда *так* будет на меня смотреть?» На предыдущем совещании он специально для неё добавил про комсомольскую молодость, но она так его и не вспомнила. А сам почему-то напоминать не желал, вдруг заело – хотелось, чтобы вспомнила, а, вернее, *помнила* сама.

– Я не собираюсь быть начальником никакого отдела!

– А я и не предлагаю.

– А зачем же Вы тогда так сказали Кузнецову? Вы же из моего плана пункты вычёркивали? Терпеть не могу, когда меня используют вслепую.

(Юрий Васильевич тоже долго отвыкал от этой привычки – интересно, она свойственна всем начальникам?)

– Мне нужно было, чтобы он уволился сам. Это решение не вчера возникло, всё давно к этому шло. Вас я не подставлял, никто ведь о моей просьбе не знал. А про использование вслепую – в дальнейшем буду учитывать.

– А что же будет с отделом? Ребята все за ним уйдут?

– Да никто за ним не пойдёт. Никита слишком высокого мнения о своей персоне. Мы уже с Цыганковым и Поликарповым сошлись на кандидатуре нового начальника, но пока

подождём увольнения Кузнецова.

16

Вроде бы все вопросы разрешились, но, когда на следующий день Ирина зашла к нему с бумагой, написанной на бланке, у Сергея ёкнуло сердце, что она принесла заявление о своём уходе. Но это было всего лишь заявление на неделю отпуска с 1 мая. И он быстренько его подписал.

Кузнецов уволился, а ребята из его отдела, как и предсказывал СВ, никто вслед за ним не ушёл. Новым начальником отдела назначили Олега Любимова, на кандидатуре которого сошлись втроём директор и два начальника других отделов. Об уходе Кузнецова никто не жалел, но всё равно Ирина чувствовала ещё долго себя неловко...

За работой незаметно подошёл май, и Ирина с подругами укатила в отпуск в Нидерланды. Их ждали каналы Амстердама, потрясающий музей Ван Гога, поля тюльпанов в Кёкенхофе, выставка современной скульптуры в музее Кроллер-Мюллер, кубические дома в Роттердаме, сады Аппельтерна и даже...улица красных фонарей!

Танечка заменила временно Ирину за столом секретаря, и Сергей не мог дожидаться, когда же он увидит такое, ставшее родным, лицо.

17

Заказчик рекламы конфет пришёл в восторг от работы,

проделанной фирмой, и на этом фоне отдел маркетинга раскрутил его на увеличение суммы контракта в два раза. Приятным бонусом было получение премий. Ирина сразу отложила её на будущие путешествия.

Сергей Владимирович же с Цыганковым переключились полностью на международный контракт с австрийско-английской фирмой. Ожидался приезд их представителей к концу мая, и СВ поручил Ирине заняться их культурной программой:

- Ты у нас театралка – вот что-нибудь и найди для них.
- Сколько нужно билетов?
- Четыре.
- Только билеты дорогие получатся.
- Не важно. Со мной согласишься, куда пойдём, а деньги получишь у Ольги Ивановны.

Повезло: на те две недели в конце мая – начале июня, когда приезжала делегация, в Большом давали оперу «Борис Годунов»⁷, в Станиславского и Немировича-Данченко – балет «Майерлинг»⁸, в Концертном зале Чайковского Денис Мацуев играл своё коронное: 2-й и 3-й концерты Рахманинова. Конец сезона, дачный период, и билеты, пусть и дорогие, но ещё были.

СВ выбрал Большой (Ирина пообещала ослепительно богатое оформление сцены и костюмы, правда, с голосами было не очень впечатлительно) и концерт Мацуева. «Майерлинг» хоть и подходил по теме (в балете речь шла об Авст-

ро-Венгерских венценосных правителях императоре Франце-Иосифе, императрице Сисси и самоубийстве их сына – кронпринца Рудольфа), но балет – это для него было уж совсем тоскливо.

– И ты всё это видела? Гарантируешь?

– Да, конечно.

– Имей в виду, ты тоже идёшь, придётся смотреть ещё раз.

– Я – с удовольствием! Мы всегда с девчонками сидим на самых дешёвых местах, видно не очень хорошо. А здесь рассмотрю всё вблизи и без бинокля.

– Ну, ладно, опера, а на концерте-то что смотреть?

– Смотреть на Мацуева, когда он играет, это отдельное удовольствие. Он так отдаётся музыке...

Опера, действительно, впечатлила блестящими декорациями и костюмами. В голосах Сергей всё равно ничего не понимал, но даже у него побежали мурашки, когда высокий тонкий мужской голос запел: «Мальчишки отняли копеечку...»⁹. Но четыре часа! Под конец он уже устал слушать и развлекал себя тем, что посматривал искоса то на Ирину (она слушала самозабвенно, аж вперёд подалась), то на гостей, одного англичанина и одного австрийца, на которых масштаб оперы похоже произвёл неизгладимое впечатление. По крайней мере, по окончании оперы они оба вскочили со своих мест и хлопали до последнего. А что? Знай наших!

На концерте же Мацуева мурашки побежали у Сергея с первого же мощного удара пианиста по клавишам. И дальше

он провалился в музыку, а глаз не мог оторвать от Дениса, который играл не только руками, но и лицом, да что там лицом – всем телом. Стыдно сказать, в конце концерта чуть не расплакался. Когда подвозил домой Ирину, говорили о музыке. Вернее, говорила Ирина. Говорила о своих любимых произведениях, на которые старается попасть каждый год: конечно, это Рахманинов, 1-й концерт Чайковского, «Реквием» Моцарта, «Кармина Бурана» Орфа... А он слушал и думал о том, что, когда она вот так воодушевляется, у неё так горят зелёным пламенем глаза, что она на глазах молодеет, превращаясь в девушку из восьмидесятых с толстой косой, культорга группы. А от чего у него горят глаза? Надо подумать... Может быть она тогда его вспомнит? А ещё его поразило сравнение Ирины воздействия на неё музыки с ...любовью. Такая же эйфория. Такое же звучание инструментов, как голос любимого. Душа как будто расширяется, растекается далеко за пределы тела и вырастают крылья... Над этим тоже стоило поразмыслить...

⁷ – опера Модеста Мусоргского о последнем периоде правления Бориса Годунова по одноимённой драме А.С.Пушкина

⁸ – балет на музыку Ференца Листа, который был современником героев балета и даже писал фортепианные произведения специально для императрицы Елизаветы (Сисси), по мотивам романа Джорджа Марека «Орлы умирают»

⁹ – ария Юродивого, в конце которой он предрекает: Лейтесь, лейтесь слёзы горькие.

Плачь, плачь, душа православная!

Скоро враг придёт и настанет тьма.

Темень тёмная, непроглядная.

Горе, горе Руси!

Плачь, плачь, русский люд.

Голодный люд.

18

Переговоры, как говорится, прошли плодотворно, и в конце июня ждали приезда Дюка Фёрста¹⁰, председателя правления австрийско-английской фирмы, для окончательного подписания подготовленного контракта.

Саша Цыганков и оба представителя фирмы встретили чету Фёрстов (Дюк прилетел со своей супругой) в аэропорту и подтвердил время на завтра для логического завершения переговоров. Но на следующий день с утра раздался звонок, и огорчённый Кертис¹¹ (представитель английского крыла

фирмы) попросил перенести мероприятие на завтра, так как у патрона возникли неожиданные дела в Москве. На душе у Сергея Владимировича стало как-то тревожно, Сашка Цыганков недоумевал.

На завтра худшие опасения СВ подтвердились: тот же Кертис сообщил (без объяснения причин), что подписание контракта не состоится вообще. Англичане ушли по-английски, не попрощавшись.

Было безумно жалко потраченных впустую полгода, упущенную выгоду, а больше всего – перспектив выхода на международную арену. Но главное, надо было понять – что же случилось? Если не устраивают какие-то пункты контракта – для этого есть переговоры, всегда можно найти компромисс. Но так резко всё оборвать? С этим обязательно надо разобраться, чтобы не попасть в такую же ситуацию ещё раз.

Разговор Сашки с Кертисом ничего не прояснил. Тот тоже ничего не знал. Он также неожиданно для себя сначала получил просьбу Дюка Фёрста о переносе даты подписания контракта на следующий день, а потом сообщение (голос патрона был рассерженным) о том, что контракт подписан не будет, и распоряжение возвращаться домой. Телефонный звонок от Сашки застал его уже в аэропорту.

Сергей Владимирович кинулся звонить своему другу ещё по комитету комсомола Бауманки Димке Головину, тот сейчас работал в Торговой палате, может, сможет чем-нибудь помочь? Встретились уже поздно вечером в ресторане.

– Слушай, Серый, ничего конкретного по твоему контракту сказать не могу. Удалось выяснить только, что твой Фёрст пока не улетел, пробудет в Москве ещё два дня. Послезавтра в Резиденции посла Великобритании будет приём представителей крупных компаний, сотрудничающих с англичанами, и он там будет.

– У тебя есть возможность достать мне туда приглашение?

– Попробую.

– Буду твой должник. Может, получится с ним пообщаться. Не вернуть контракт, так хоть понять причины.

– Только учти, что все приглашённые обязаны являться со своими вторыми половинками. И наличие рядом молодой длинноногой любовницы не приветствуется. Англичане снобы по части семейных приличий. А я знаю твою Анжелу...

– У тебя застарелые сведения, я с ней уже месяца три как порвал...

– Опять новенькая?! Ну, ты, брат, даёшь! Надеюсь, не младше Анжелики?

– У меня новая секретарша нашего с тобой возраста. Так пойдёт?

– Думаю, вполне. Ты же не обязан быть женатым. А кто такая? Как ты дошёл до жизни такой?

– Анжела настояла, чтобы была в возрасте. И ты знаешь, попался ценный кадр. Так что я сейчас очень доволен. Но это долгая история. Как-нибудь потом расскажу.

– Ладно, пообщаемся после приёма. Заодно расскажешь

и что тебе удастся узнать.

– Договорились! В любом случае позвоню на следующий день. Спасибо тебе огромное.

– Пока не за что! Покедова!

– Пока!

¹⁰ – в переводе – первый командующий, лидер

¹¹ – в переводе – учтивый

19

Ирину на следующий день СВ послал по магазинам, всяким там салонам-парикмахерским, чтобы соответствовала, так сказать, уровню приёма. В суть дела не вдавался, в конце концов, роль её – только сопровождение, на месте ему придётся действовать одному. С Фёрстом Сергей так и не встретился, поэтому пришлось довольствоваться фотографиями из интернета. Их было не много (не кинозвезда же!), но он надеялся, что узнает его.

Димка не подвёл, уже к вечеру накануне приёма приглашение доставил курьер из Торговой палаты.

Внешним видом Ирины Сергей остался доволен. Он уже видел её в макияже, когда ходили на оперу и концерт, и ещё тогда отметил, что правильно сделал, запретив ей пользоваться косметикой на работе: очень уж броско она выглядела, даже чуть подведя глаза. Какая уж тут была бы рабо-

та! В бежевом в тонкую полоску с золотой нитью костюме Ирина выглядела стильно и элегантно. И вместе они смотрелись очень органичной парой, отметил про себя Сергей, когда увидел их отражение в высоком зеркале при входе в Резиденцию. Ирина на себя в зеркале даже не взглянула – рассматривала внутреннее убранство залов. Дело в том, что посольство Великобритании располагалось в современном здании, построенном в стиле хай-тек¹², а вот Резиденция посла занимала старый особняк, её внутреннее убранство напоминало дворец: лепнина с позолотой и белые стены и потолок. На такое великолепие Ирина никогда не уставала смотреть. Её поражали и восхищали талант и фантазия старых мастеров! Уж сколько видено-перевидено дворцов, но каждый из них имел своё собственное лицо и «изюминку».

В зале, где проходил сам приём, Ирина и СВ разделились: Сергей отправился искать Фёрста, а Ирина продолжила осмотр. На стене, в противоположной стороне от высоких фуршетных столов, она увидела несколько картин и устремилась туда – издалека картины напомнили ей работы Уильяма Тёрнера¹³. Она внимательно рассматривала картины, пока не услышала приятный женский голос:

– Do you like these pictures?¹⁴

Ирина обернулась и увидела симпатичную пожилую даму.

– Highly. This is Turner?

– You know our artist? It is very nice.

– Did you see his work in London, the National Gallery and the Tate Museum. But I think it's not the originals.

– Of course, not the originals. But very talented counterparts. Our ambassador big admirer of Turner, and those paintings were painted on his special request. He carries them in all the places where it is brought to serve. Let me introduce myself – Helen.

– Irina

– Very nice. How long have you been in London? Much had to see?

– Two weeks. We were in London, Edinburgh, Oxford...¹⁵

Ирине было очень интересно разговаривать в Элен, но её английский позволял общаться только короткими простыми фразами, а так хотелось поделиться восторженными впечатлениями о Национальной картинной галерее в Лондоне, которая восхитила сразу, ещё до входа внутрь. На огромной площади, раскинувшейся перед зданием галереи, стояла высокая стела с адмиралом Нельсоном наверху, а его каравелла, запечатанная в стеклянную бутылку, возвышалась слева от входа, рядом с огромным полотном Ван Гога, сделанном из разного вида... травы. Перед самым входом выступали улич-

ные артисты: жонглёры, фокусники, пускатели больших радужных мыльных пузырей (и никто их не гонял, между прочим). А чуть дальше, прямо на асфальте, на глазах у прохожих молодые художники рисовали копии знаменитых картин, выставленных в галерее, и это было так здорово и так похоже на оригиналы! Но всего этого она просто не могла сказать на английском, и стала искать глазами Сергея Владимировича, тот шпарил на английском как по-писаному.

Директор нашёлся сразу – он уже давно наблюдал за Ириной, беседующей с пожилой англичанкой. Миссия его провалилась сразу. Он дважды пытался обратить на себя внимание Дюка Фёрста. И если первый раз ещё можно было принять за случайность, что тот его не заметил, то после второго раза, когда Фёрст нарочито медленно окинул Сергея холодным взглядом, стало понятно, что англичанин его и дальше намерен игнорировать. Ну не хватать же его за рукав пиджака?! Можно было уходить с приёма. Сергей нашёл Ирину, но решил не прерывать её беседу. А когда она сама нашла его глазами и сделала умоляющее лицо, он подошёл. Оказывается, потребовался он в качестве переводчика. Ирина представила Элен своего директора – Сергея Владимировича, и дальше разговор потёк более оживлённо.

Когда Дюк увидел свою жену, Элен, мило беседующей с этим наглым русским и какой-то дамой, он рассвирепел: мало того, что он *его* доставал весь день, так теперь решил действовать через его жену! И Фёрст решительным шагом на-

правился к троице выручать свою благоверную из лап этого аморального русского.

Но Элен не дала возможности произнести Дюку ни слова. Она взяла его под руку и произнесла с милой улыбкой:

– Dear, let imagine Sergei, director of the firm Z and his charming secretary Irina¹⁶ (подчеркнув слово «секретарша» в своей фразе). And this is my husband – Duke¹⁷.

OPHELIA (1881-1882)

BY JOHN RUSSELL

Ирина не поняла, почему так напрягся СВ, когда к ним подошёл муж Элен, а супруги многозначительно переглянулись между собой и довольно сердитое лицо Дюка сменилось растерянностью. Потом мужчина вздохнул, достал из внутреннего кармана пиджака свою визитку и сказал Сергею Владимировичу:

– Tomorrow afternoon we're leaving. Come to my hotel at

ten o'clock, try to eliminate all misunderstandings have arisen between us ¹⁸.

¹² – хай-тек ([англ. Hi-tech](#), от *high technology* – [высокие технологии](#)) – стиль в [архитектуре](#) и [дизайне](#), зародившийся в недрах [позднего модернизма](#) 1970-х годов. Хай-тек уже с 1980-х гг. выражал [престижность](#) (все здания хай-тек очень дорогие) (*из Википедии*)

¹³ – Джозеф Мэллорд Уильям Тёрнер ([англ. Joseph Mallord William Turner](#)) – [британский](#) живописец, мастер романтического пейзажа, акварелист и гравер. Предтеча французских [импрессионистов](#).

¹⁴ – Вам нравятся эти картины?

¹⁵ – – Очень. Это Тёрнер?

– Вы знаете нашего художника? Это очень приятно.

– Видела его работы в Лондоне в Национальной картинной галерее и Тейт-музее. Только я думаю, что это не оригиналы.

– Конечно, не оригиналы. Но очень талантливые копии. Наш посол большой поклонник творчества Тёрнера, и эти картины были написаны по его специальному заказу. Он их перевозит во все места, где ему доводится служить. Разрешите представиться – Элен.

– Ирина

– Очень приятно. Как долго Вы пробыли в Лондоне? Много успели посмотреть?

– Две недели. Мы были в Лондоне, Эдинбурге, Оксфорде...

¹⁶ – Дорогой, разреши тебе представить Сергея, директора фирмы Gift и его очаровательную секретаршу Ирину.

¹⁷ – А это мой муж – Дюк.

¹⁸ – Завтра днём мы улетаем. Приходите ко мне в отель ровно в десять часов, попробуем ликвидировать все возникшие между нами недоразумения.

20

Когда Сергей провожал Ирину домой, он спросил:

– Слушай, а есть ли что-нибудь, чего ты не знаешь?

– Не поняла, в каком смысле?

– Ну, музыка, опера, балет, театр, стихи, теперь, оказывается ещё и живопись! Кстати, чтобы понять твои стихи, мне пришлось лезть в интернет и искать там, кто такой Валла и при чем тут Гермес...

– Как мы раньше обходились без интернета? – пошутила Ирина. А потом серьёзно добавила: – Мне многое в жизни интересно, но всё это из серии, помните, как у Пушки-

на: «Мы все учились понемногу, чему-нибудь и как-нибудь». На самом деле я очень уважаю и даже где-то завидую тем людям, которые в своём хобби или работе добираются до глубин знания, становятся истинными специалистами своего дела, как наш Игорь Поликарпов, например. А я так, всё больше вширь, по поверхности, чем в глубину. Я про Валлу и Гермеса информацию тоже в интернете искала... К моему списку ещё путешествия можно добавить. Вы знаете, у меня даже сайт свой есть о моих самостоятельных путешествиях, так, примитивненько-старомодненький. А я, сколько лет езжу по заграницам, стыдно сказать, английским так и не овладела...

– По-моему, ты слишком строга к себе. С Элен вы вполне бойко болтали, пока я не подошёл...

– Ага, это пока я на Вас не уставилась с мольбой, чтобы подошли и поработали переводчиком...

– И, тем не менее, если бы не ты, нам бы пришлось уйти с приёма ни с чем...

21

Ирина с нетерпением ждала возвращения на работу СВ после разговора с Дюком Фёрстом, тем самым, который так внезапно отказался подписывать подготовленный контракт и на разговор с которым, оказывается, рассчитывал Сергей Владимирович, когда отправлялся в Резиденцию к послу.

Всё это Сергей рассказал ей по дороге домой. И даже извинился (!), что получилось опять использовать её втёмную. Но Ирина не обиделась, ведь дама подошла к ней сама, Ирина её не искала и не пыталась привлечь её внимание.

Элен, действительно, сама решила подойти к элегантной русской. Она увидела её в паре с Сергеем Кольцовым, тем самым, про которого столько гадостей наговорили те двое русских, которые накануне подписания контракта нагрянули в отель к Дюку, и склонили его к разрыву отношений с фирмой «Gift». Элен немного понимала по-русски, так как её бабушка была из детей первой волны эмиграции после революции в России, но говорить стеснялась. Некоторые фразы, которыми обменивались русские между собой, и какой-то хищный блеск в их глазах очень не понравились женщине, но она понимала, что свои сомнения бесполезно было говорить своему рассерженному мужу. Да и как она могла подвергнуть их слова сомнению, основываясь только на своей интуиции?! Никита и Анжела рассказали, что Сергей ведёт аморальный образ жизни, подбирает к себе в секретарши молодых девочек (совершеннолетних, конечно, – зачем ему криминал? Осторожный чертяка!), которых склоняет к сексу, а через полгода вышвыривает на улицу. Предпоследней у него, якобы, и работала Анжела, которая стойко держала сама оборону от домогательств начальника, а потом за неё заступился Никита, который полюбил славную девушку (они собираются пожениться). И в итоге, Сергей вышвырнул с ра-

боты обоих. А сейчас у него очередная молоденькая пассия работает, и кто её решится защищать после их истории?..

Поэтому, когда Элен увидела рядом с Сергеем (а она его тоже узнала по фотографиям) симпатичную, но вполне зрелую даму, она подумала, что это его жена, и решила сама с ней познакомиться и поговорить. Сергей тоже как-то не тянул на аморального типа, на свою «жену» поглядывал с теплотой. А уж когда стало понятно, что Ирина и есть та «очередная молоденькая пассия», враньё пришедших русских стало очевидным.

Эту замечательную историю, сочинённую обиженными на него Никитой и Анжелой, СВ пересказал уже с облегчённым смехом начальникам отделов (Ирина тоже присутствовала на совещании).

– Так что, братцы кролики, придётся теперь нам лететь в Лондон для подписания контракта. Готовьте документы на визу. Вылетим сразу, как только будет готова: я, Сашка Цыганков, Игорь Поликарпов, Володя Кокорин, Олег Любимов и ...Ирина Петрова. Будем на месте решать все вопросы. А за тебя, Ирина, отдельно просила Элен, я пообещал. Очень уж ты её обаяла.

Ирина последней выходила из кабинета, и Сергей попросил её задержаться.

– Нет, ну каковы паршивцы?! Целую слезливую историю сочинили. И когда снюхаться успели? А что мне с тобой теперь прикажешь делать – назначать заместителем или сразу

замуж звать? (Сказал это всё Сергей шутливым тоном, но сам с замиранием сердца ждал ответа Ирины).

– Перед моим прежним директором стояла та же дилемма.

– И что он выбрал?

– Работу, естественно. Но так как я замом идти категорически не хочу, а влюбляться в Вас Вы мне сами запретили, то даже и не знаю, как выйти из этого тупика?

Ирина сказала всё это вроде бы серьёзно, но в глазах плясали смешливые чёртики, и Сергей, а за ним и Ирина, расхохотались.

...И кто же может кому-либо запретить или разрешить влюбиться? Это чувство не подчиняется ни запретам, ни логике...

22

В Лондон смогли вылететь через три недели. Работали плотно каждый день из тех шести дней, за которые Сергей хотел уложиться с контрактом. Дюк оказался въедливым партнёром, и, вроде бы уже согласованный контракт, подвергся-таки некоторым изменениям.

Ребята же напрямую работали с соответствующими службами фирмы Фёрста. Одной Ирине делать было нечего, и они с Элен целыми днями болтались по Лондону, даже съездили в Ботанический сад Кью, находящийся практически за

чертой города, хотя метро добралось и туда. Обе совершенствовались себя в языках: Элен в русском, а Ирина – в английском. Смеялись над собой – без удержу, и очень сдружились. По вечерам старались показать ребятам хотя бы то в Лондоне, что работает допоздна: всех впечатлила поездка на огромном колесе обозрения «Лондонский глаз», а на мюзиклах «Призрак оперы» и «Грязные танцы» все ребята, кроме Сергея Владимировича, бессовестно задряхли (он единственный, видимо в силу возраста, не шатался по местным ночным пабам).

И в Национальную картинную галерею, которая только по пятницам работает до 21.00, с Ириной пошёл только он. После галереи решили посидеть в ресторане своего отеля. Ресторан располагался на крыше и оттуда с любого столика открывался потрясающий вид на город в любое время суток, не хуже, чем с «Лондонского глаза», поскольку и стены и крыша ресторана были стеклянными.

Вся обстановка располагала к романтике и Сергей, наконец, решился спросить:

– Ну, что Заварзина-Решетникова-Петрова, ты так меня до сих пор и не узнала?

Ирина удивилась:

– А должна была?

– А мы ведь с тобой с одного курса Бауманки.

– Погодите, – наморщила лоб Ирина, – Кольцов, Кольцов... В группе и на потоке у нас точно с такой фамилией

никого не было. Был только комсорг курса – Кольцов... Сергей. Постой, так это ты???

– Ну, наконец-то, – рассмеялся тот, – наверное, если бы напрямую не спросил, никогда бы не узнала. Или вообще не помнила. Ты тогда только на своего Володьку смотрела. Что ж с ним, не срослось? Замуж-то, как я понимаю, за него всё-таки сходила.

– Володя умер через полтора года, после того, как мы с ним расписались, и уехали по месту его службы.

– Прости, не знал, – огорчённо сказал Сергей, и накрыл ладонь Ирины своей в знак поддержки. Ирина ладонь не отняла.

...Как раз в этот момент в ресторан ввалилась остальная компания, решившая тоже отметить окончание удачной командировки в Лондон в красивом месте. Олег рванулся к ним со словами: «Ребята, а вон же СВ и Ира...», но вовремя был оставлен Сашкой, а Игорь задумчиво сказал: «Пойдёмте, найдём себе другой ресторан. Не будем им мешать»...

– Я не понял, как вы вообще оказались в той тмутаракани?

– Володя всегда мечтал об армии, а мама его не пускала, чувствовало, что ли, материнское сердце, что ничего хорошего армия её сыночку не принесёт? Я вот хоть и любила, казалось, больше жизни, ничего такого не чувствовала и до сих пор жива... В семье у Володи все были военные, и ни один не дожил до старости, все погибали – кто в войну, кто уже в мирное время. И он, чтобы не огорчать мать, пошёл

в Бауманку, военная кафедра, возможность послужить хотя бы год... На пятом курсе мы поженились, а к защите диплома огорчать и оглядываться было уже не на кого – Тамара Ивановна умерла. И Володя пошёл служить, а я поехала за ним, естественно. Детей мы решили пока не заводить: сначала Володя должен определиться, где его место в жизни, а потом уже будем строить семейное гнездо. С работой для меня в посёлке было туго, и я, чтобы не маяться от безделья, пошла работать в вечернюю школу, где мои ученики оказались в большинстве своём старше меня. Сначала ничего не ладилось, но Володя как-то умудрился вычленив заводитилу класса и с ним о чём-то поговорил. Больше меня не цепляли.

С Володей общались урывками: военная служба – это не работа с десяти до семи по звонку на гражданке. После одних из учений Володя вернулся сильно простуженный. Рассказывал, что так мёрзли в палатках, что однажды проснулся и не смог оторвать голову от дна палатки – волосы примёрзли. К врачу допилила его пойти не сразу – всё было некогда. Согласился, видимо, уже тогда, когда совсем поплохело. Увезли Володю в госпиталь в Горький и там, через неделю, он умер от воспаления лёгких. А я вернулась в Москву к своим родителям.

Они очень за меня переживали, и мама начала знакомить меня со всеми сыновьями своих подруг. Но познакомилась я со своим будущим мужем сама, в поликлинике, правда, за-тащила меня туда всё-таки мама. Врач-кардиолог Пётр Пав-

лович Петров очень внимательно ко мне отнёсся, я покорно пила выписанные им таблетки, но на мою кардиограмму это сильно не влияло. И однажды от меня спросил: «Деточка, ты что, жить не хочешь?» А я ему честно ответила: «Не хочу». И тут меня прорвало: и я ему, совсем постороннему человеку, со слезами, с соплями, рассказала свою недолгую историю любви так, как не рассказывала даже маме. И мне стало легче.

А с Петром Павловичем мы подружились, хоть он и старше меня был на целых двадцать лет и казался мне тогда почти стариком. А через полгода предложил мне выйти за него замуж. Сказал, что любит и понимает, что я его пока не люблю. Но, стерпится – слюбится. Поженились, стала я Петрова. Не хотела обижать Петю фамилией от прошлого брака. Потом родился сын, назвали Павлом, так было принято называть в их семье сыновей: Пётр или Павел. Когда Павлуша подросток, смогла устроиться на работу в НИИ, там опять вернулась к работе культорга, только уже не в комсомоле, а в профсоюзе. Работа инженера не грела, так, отбывание времени для получения зарплаты, но, как бывшая отличница, не могла физически делать никакое дело спустя рукава. Руководители хвалили, даже получила звание «Лучший молодой специалист», а мне всё время казалось, что вот-вот меня кто-нибудь разоблачит и ославит на весь мир, что ничегошеньки я не знаю и не понимаю. Когда в подведомственном нашему НИИ Дворце культуры открылась вакансия начальника отде-

ла Научно-технической пропаганды, я туда сбежала не оглядываясь. На моём заявлении о переводе в ДК (а он числился структурным подразделением НИИ) мой начальник сектора написал: «Согласен в случае замены на равноценного специалиста». А начальник отдела резюмировал: «Срочно родить равноценного специалиста». Потом отдел кадров бегала сама и переделывала моё заявление у всех троих.

В ДК я нашла себя. Хотя занималась вещами очень далёкими от научно-технической пропаганды: нетрадиционной народной медициной, экстрасенсами, астрологами... Но работа была хоть и нервной, но весёлой, народ был сплошь творческий. Мы такие совместные праздники устраивали – хоть на видео снимай! Наш 23 февраля – где-то десятая доля от того, что делали в ДК.

А когда Павлу исполнилось 18 лет, Петя предложил мне развестись. Для меня это было громом среди ясного неба. Жили мы дружно, не ссорились. Я так и не смогла полюбить мужа, но глубоко его уважала и была бесконечно благодарна ему, что вытащил меня своей любовью из пучины отчаянья, сына подарил. А он, оказывается, страдал от этого. Сказал, что встретил женщину, которую не только любит он, но и которая любит его. И ему хочется хоть на старости лет пожить стопроцентно счастливым человеком, а не только наполовину. Я его поняла и отпустила. Квартиру разменяли, мне досталась однокомнатная. Павел остался жить с отцом. Он всегда был к нему ближе, чем ко мне. Даже пошёл по его

стопам – поступил в медицинский, и объяснил своё желание тем, что отец будет помогать ему с учёбой. Но я, конечно, видела, что это – так, отмазка. Ведь представляя себе сына от Володи, я прекрасно понимала разницу моего отношения к этому неродившемуся ребёнку и к Павлу. Из нас троих мои мужчины оказались более чуткими людьми, чем я – женщина.

Но сейчас я вполне счастлива: с Петей и его женой у меня прекрасные дружеские отношения. Павел, правда, далеко, он военный хирург и служит на Дальнем Востоке, поэтому с внуком Петей общаюсь только по скайпу. У меня куча подруг со всех этапов моей жизни: школа, институт, обе работы. Они уже все перемешались между собой. Театры, путешествия, лыжи. Любимая работа, и даже грозный начальник оказался знакомым, почти блат. А ты, как, женат был?

– Был брак по расчёту. Я свою карьеру начал строить в комсомоле, а там, чтобы продвигаться, надо было быть «морально устойчивым» семейным элементом. Вот и женился на такой же карьеристке, как был сам. Так я тогда думал о ней. Но она раньше меня очнулась – ушла от меня к любимому человеку, наплевав на свою карьеру. А тут и перестройка началась. Ты же помнишь – всё же рухнуло в одночасье. И оказался я, как та старушка, у разбитого корыта. Ни профессии в руках, ни работы, ни семьи. Спасибо, Димке Головину, нашёл меня и пригласил в своё дело. Он вращался после института в более высоких сферах и грядущие перемены

не оказались для него сюрпризом. Он быстренько сколотил торговый кооперативчик, и ему понадобился человек, знающий хоть какие-нибудь языки. А мне языки давались легко, на английском я разговаривал свободно без помощи репетиторов. Вот он про меня и вспомнил. Слушай, а ведь получается, что как тогда, тридцать лет назад, так и сейчас, Димка и моё знание английского мне помогли? Ведь именно он узнал, где можно было встретить Дюка и достал приглашение на этот приём!

– Прости, а можно задать личный вопрос?

– Валяй! (Ого, – подумал при этом Сергей, – кажется, становится теплее)

– Мне всегда было интересно, куда же вы, мужики, смотрите, когда связываетесь с такими, как Анжела? Неужели молодое тело – это единственное, что нужно в жизни?

Сергей не знал, как ему ответить на этот вопрос. Так далеко сейчас была Анжела, как в прошлой жизни, так не интересна. Сказать, что пока не встретил свою любовь – думал, что действительно – достаточно? И не важно, какое у неё тело, главное – что родное. Не рано ли? Ему не хотелось ни брака по расчёту, ни по принципу стерпится – слюбится. Он представил себя в шкуре последнего Ириного мужа и сморщился от боли...

А Ирина испугалась, что своим вопросом порвала ту ниточку доверия и душевного комфорта, которая протянулась между ними. «Вот ведь, дура, – ругала она себя, – что, раз-

мечталась, что он скажет: Да нет, твоё дряблое тело мне гораздо приятнее стройного молодого?!»

– А знаешь, что? Давай-ка мы с тобой останемся в Лондоне ещё на недельку вдвоём? Обойдутся на фирме как-нибудь без нас в это время? Виза у нас полугодовая, а остальное – сдадим-перебронируем! Соглашайся, Заварзина! Обещаю ответить на все твои вопросы, как на духу.

Сказал всё это Сергей и замер. А Ирина выдохнула – уф, не сердится! И то, что сказал «вдвоём» и то, что назвал Заварзиной, как бы приглашая перезагрузить их отношения и начать всё заново, отметила про себя. И кивнула, соглашаясь.

А когда Сергей договаривался в отеле о номере, и Ирина ясно расслышала «дабл», он прямо посмотрел в её бездонные зеленые глаза – она взгляд не отвела...

23

Сергей попросил портъё перебронировать их с Ириной билеты на самолет на неделю позже и в бешеном темпе забросил свои и Ирины вещи в новый номер, как будто боялся, что она передумает. Облегченно захлопнул дверь и жадно припал к Ириным губам в поцелуе, прижав женщину к двери.

– Я сейчас упаду, у меня ноги не держат, – шумно глотнув воздух, выдохнула Ирина, когда Сергей переместил свои по-

целуи на её шею.

– Я этого не допущу, – прошептал тот и, подхватив её на руки, перенес на широкую двуспальную кровать и положил поперёк, а сам присел снять ей туфли.

– Я сама..., – попыталась приподняться Ирина.

– Вот уж и нет. Сегодня всё буду делать я, а твоё дело – получать наслаждение.

– А я...

– И даже разговаривать допускается, только нечленораздельными звуками, – не дал ей сказать ни слова Сергей.

И дальше мучительно-медленно, но сладко, снимал с неё одежду, нежно целуя каждый кусочек тела, который оголялся под его чуткими пальцами. Так что, если ещё в начале у Ирины бродили какие-то поддающиеся формулировке мысли о том, какое на неё сейчас одето белье? или как выглядит её пятидесятилетнее тело? то вскоре она стала ощущать себя какой-то расплавленной массой, жаждущей только одного – полного единения со своей второй половинкой. Сергей тоже сдерживал себя огромным усилием воли, желая довести это мягкое, податливое и казавшееся таким родным тело до наивысшей точки, потому что понимал, что стоит ему хоть чуть-чуть войти в него глубже, – и никакая воля ему уже не поможет. И, наконец, когда казалось, что сил больше сдерживать себя нет, две половинки соединились, и обоих затрясло в одновременном оргазме.

Когда Ирина выплыла из полусна-полузабытья, она по-

чувствовала на себе задумчивый взгляд Сергея:

– Проснулась, красавица?

– А мне уже можно говорить?

– Только дозволенные речи.

– И позволено ли мне будет спросить, о чём ты так сосредоточенно думаешь?

– О том, что под твоими вечными брюками, оказывается, скрывались потрясающе красивые стройные ножки...

– А твоя Анжела умудрилась разглядеть их кривизну...

– Она давно уже не «моя». И, кстати, возвращаясь к ней – мне очень понравилась твоя аппетитная пухлая попка. А грудь так уютно умещается в ладони...

Ирина, когда-то сильно переживавшая из-за недостаточного, как ей казалось, размера груди, смутилась и толкнула Сергея кулачком в бок:

– А ты мне не дал себя рассмотреть, вот я завтра тебя так же буду мучить, как ты меня сегодня...

– А я тебя хочу опять прямо сейчас...

Ирина нежно провела рукой по всему телу Сергея от припорошенных сединой мягких волос, чуть шершавой щеке с едва наметившейся щетиной, чувствительного соска груди, напрягшемуся животу до набухшего пениса, и невесомо касаясь своими губами его губ, почти в поцелуе, сказала:

– Так чего же ты медлишь?..

Из бездумного и абсолютно счастливого шатания по Лондону попеременно с поцелуями в любых неподходящих местах и жарким сексом, когда они оставались одни в целом мире, их выдернул звонок из Москвы от Семёныча (он единственный знал номер СВ для экстренной связи, поскольку остальным Сергей запретил звонить ему под угрозой немедленного увольнения):

– Сергей Владимирович! Вас Дюк Фёрст разыскивает, а ещё Ирина мама звонила на фирму, у неё телефон выключен...

– Вот, чёрт, – ругнулся Сергей и потянулся к служебному телефону.

А Ирина засуетилась в поисках своего давно разрядившегося телефона. О том, что командировка в Лондоне продлится на неделю, она ещё свою маму успела предупредить, а вот потом всё напрочь вылетело из головы. В едва ожившем телефоне обнаружилась куча неотвеченных звонков не только от мамы и от подруг, но и от Элен Фёрст. Так что с супругами Ферст и Сергей, и Ирина разговаривали практически одновременно каждый по своему телефону.

Перед отъездом из Лондона им пришлось-таки заскочить в гости к Фёрстам. И, проводив, таких счастливых и разом помолодевших русских, Элен сказала своему мужу:

– Дорогой, теперь-то уж точно нет никаких моральных препятствий для заключения контракта.

– Ты так думаешь?

– Уверена. В следующий наш приезд в Россию, мы уже будем в гостях у супругов Кольцовых...

25

С девчонками опять встретились в кафешке. За окнами – мягкое бабье лето, а на душе у всех троих – солнечная весна.

– Девчонки, а я опять замуж выхожу, – первой не выдержала рвущегося наружу желания поделиться с подругами Галка.

– Кто он? Как встретились? Фамилию опять менять будешь? – засыпали её вопросами подружки.

– Не поверите! Сама себе не верю: пошла по второму кругу – за Женьку опять Старшинова выхожу.

Девчонки расхохотались.

– Круг до конца будешь проходить?

– Успею ли? Там посмотрим! – отшутилась Галка.

– А я тоже выхожу замуж. Буду окольцованной Кольцовой.

– Ты что, за своего директора замуж выходишь? Он же запретил в себя влюбляться.

– Сделал для меня исключение. Но я сама над ним до сих пор подшучиваю.

– Как же так получилось? Ты нам не рассказывала.

– Мы же с вами всё лето не виделись. А Сергей оказался моим знакомым ещё по Бауманке. Галка, ты же тоже должна

его помнить: Сергей Кольцов – комсорг курса.

– Да ты что? Серый кардинал?

– Переквалифицировался в Генерала – это когда сердится.

А в хорошем настроении – СВ.

– Так получается, что ты тоже как бы по второму кругу пошла?

– Кольцу... (счастливо рассмеялась Ирина)

– Лена, ты должна поддержать тенденцию, тем более ты из нас самая молодая...

– Ох, девчонки, о замужестве и речи не идёт, но со мной такая история забавная летом приключилась! Иришка же меня кинула летом со своим Лондоном, и пришлось мне ехать в групповой тур одной. Мы были на экскурсии по замкам Нормандии, и там я познакомилась с владельцем замка R. Он принял меня за воплощение женщины, из-за которой на их род наложено заклятье ...

– Ничего себе, мистика! Расскажешь?

– И про поездку заодно.

– Конечно, расскажу...

ПРЕДИСЛОВИЕ

...Голубые глаза встречаются примерно у 20% населения Земли.

Голубые глаза означают холодность натуры, отстраненность и обособленность от окружающего мира. Чем чище цвет глаз, тем сдержаннее в проявлении своих чувств их обладатель. Часто такие глаза встречаются у талантливых, оригинальных, одаренных людей с неординарным подходом к действительности. Голубоглазые люди – это творцы. Их интеллект выше, чем у представителей с другим цветом глаз.

Голубоглазые молниеносно, без тени сомнений принимают решения, а при изменении обстоятельств не теряются, быстро адаптируясь к ним. Они довольно требовательны, строги по отношению к себе и окружающим. Для достижения цели они готовы на все. И дело не только в упрямстве, которое, несомненно, им присуще. Голубоглазые люди не получают, да и не ждут подарков судьбы. Они не выигрывают в лотерею, у них нет нужных влиятельных знакомых. Они всего достигают сами.

Под внешней отстраненностью может скрываться сентиментальность, романтичность, однако не всем удается пробиться к ней, поэтому часто голубоглазые остаются непонятыми, одинокими. Таким людям свойственна обидчивость, даже по пустякам, ранимость, повышенная чувствитель-

ность, которые они тщательно пытаются от всех скрывать.

Не пора ли решиться... *(продолжение рассказа «Куда смотрят мужики?» из сборника «Зеленые глаза»)*

А сколько ещё неизведанного! или Игра в кошки-мышки

Настоящая итальянская жена

Найду! Обниму! Не отдам никому!

Любовь стоит того, чтобы ждать

Чистой воды блеф

Всё, возможно, будет не так уж и плохо!

Ты ворвалась в мою жизнь непрошено...

А если это любовь, то...

Наш неоконченный роман

Так вот она какая – любовь!

Пять слов на букву «Л»

Все цветы в твоих руках

Кто бы мог подумать?

Молчун ты мой любимый!

Не пора ли решиться?

1

... Итак, в кафе сидело трое вполне интересных дам...

– Лена, ты должна поддержать тенденцию, тем более что ты из нас самая молодая...

– Ох, девчонки, о замужестве речи пока не идёт, но со мной такая забавная история в поездке приключилась! Иришка же меня кинула летом со своим Лондоном, и пришлось мне ехать в групповой тур по Франции одной. Мы были на экскурсии по замкам Нормандии, и там я познакомилась с владельцем замка R. Он принял меня за воплощение женщины, из-за которой на их род наложено заклятье ...

– Ничего себе, мистика! Расскажешь?

– И про поездку заодно.

– Конечно, расскажу... Поездка вообще получилась сказочная. В Москве же июнь, помните, выдался холодный, пасмурный, а в Париж прилетели – солнышко, тепло, кругом цветы. Я как будто в другую реальность попала. Душа пела...

– И всё больше по-французски, наверное?

Лена рассмеялась:

– Угадала. Я на второй день после обзорки сама поехала к Триумфальной арке, а там перед последним рывком на крышу, где устроена смотровая площадка, – маленький магазин-

чик. Так я там купила шикарный сборник французских шансонье из пяти дисков: Эдит Пиаф, Шарль Азнавур, Ив Монтан, Жюльетт Греко... Так что везде ходила с CD-плеером.

– А ты с кем-нибудь из группы скучковалась?

– Нет, все были как-то по парам. Да мне и не хотелось ни с кем делить Париж. Я столько всего объездила одна: и Диснейленд, и Франция в миниатюре, и Во-ле-Виконт, и Фонтенбло... А на общих поездках невольно слышала разговоры – кто где был, так они и половины не увидели того, что увидела я. Я такая была счастливая, что только на экскурсии по замкам Луары, где нас кормили обедом, подумала – а что я ела эти дни, кроме супер-скромного континентального завтрака в отеле? И поняла, что – ничего!

– А в Соборе Парижской Богоматери побывала?

– Даже дважды! Мне не очень понравилось, когда мы толпой ходили по Собору, и я приехала ещё раз и попала на шикарную, да ещё и бесплатную экскурсию. А гид, представьте себе, не знаю, кто она по происхождению, но выглядит как потомок первой волны нашей эмиграции – лет под девяносто, такая утонченность черт лица и рук, такая правильная русская речь, благородство и интеллигентность, словом – чувствуется голубая кровь и порода. Вместо двух часов слушали её четыре, и ещё бы на столько же остались – так интересно она рассказывала о Соборе...

– Как я тебе завидую!

– Я тоже хочу в Париж!

– И я сразу ещё хочу и сама себе завидую. А какая изумительная экскурсия получилась по замкам Нормандии! И не только из-за знакомства с владельцем замка R. Мы по дороге уговорили гида дополнительно заехать в усадьбу Клода Моне Живерни. Это было такое буйство цветов! Просто как фейерверк! Так прикольно было видеть пруд и мостик, которые художник не раз рисовал. Я потом видела такую картину в музее д,Орсе.

– И в нашем Пушкинском есть такая картина.

– Да, я знаю, только в Пушкинском в более зеленых тонах, а в д,Орсе больше синего и пурпурного.

– Слушайте, а я ведь тоже, получается, видела пруд Жи-верни на картине в Национальной галерее Лондона. Только там без мостика, но с кувшинками.

– Кувшинок у нас ещё не было, они в августе, оказывается, цветут, зато лягушек наслушались! И кувшинки я тоже только нарисованные видела потом в Оранжери. Так что в следующий раз надо в августе поехать.

– А правду пишут, будто в Оранжери создается впечатление, что ты в середине пруда находишься?

– Ага, там в середине зала стоит скамейка, так я себя прямо Дюймовочкой ощутила, которая сидит на листочке и смотрит по сторонам.

– Так, Дюймовочка ты наша, как же ты встретила с Королем эльфов?

– А ведь встреча могла и не состояться. Поскольку Живерни было вне плана, да группа ещё и зависла в садах, мы уже выбились из графика, и гид предлагал не заезжать в замок R, но мы все дружно закричали, что лучше мы будем без обеда, но посмотрим всё. В общем, он долго что-то там согласовывал, а потом махнул рукой, мы чуть быстрее пробежались по Руану и Онфлёру, и всего с получасовым опозданием приехали в замок. Действительно-то ничего особенного. Просто интересно то, что до сих пор замок – это дом семьи графа Люсиана¹ де Понтье, в котором реально живёт глава семейства, когда находится во Франции. Поэтому там есть помещения, в которые пускают туристов, а есть частная закрытая территория. Меня заинтересовал из всего замка только один женский портрет в одном из залов. На нём была изображена молодая женщина, которую как будто только что окликнули, и она повернулась с вопросом в глазах. Что-то меня зацепило в этом портрете, и я никак не могла понять что. А потом до меня дошло, что очень странно выглядит лицо: как будто в уже имеющийся портрет вписали другое лицо, даже не выдержали ракурс поворота головы. Стою я над этим, размышляю, наши уже ушли вперед, и вдруг слышу окрик: «Benji,

debout!»², поворачиваюсь и вижу, как на меня несется собака. Так это всё быстро произошло, я даже испугаться толком не успела. Оцепенела и смотрю ей прямо в глаза...

– Ой, я бы, наверное, в обморок шлёпнулась...

– А что за порода, очень большая?

– Что-то типа овчарки. Какое-то выражение морды у неё было не злое, и ушки хоть и треугольные, но не торчком стояли, а загнулись как салфетка. А ещё цвет такой красивый – бежевый. Тут её хозяин опять что-то властное крикнул, собака вильнула хвостом, и потрусила к нему. А мне солнышко прямо в глаза слепит, не могу рассмотреть вошедшего мужчину, вижу только, что высокий. Он зацепил поводок за ошейник, подошёл ко мне и обратился по-французски...

¹ – в переводе – «легкий»

² – Бенджи, стоять!

2

Люсиан пребывал не в самом хорошем расположении духа. Репетиция прошла ужасно. Послезавтра уже концерт, а оркестр развалился на глазах. Причем, виноват в этом именно он, он один. Разрыв с Катрин внёс в его душу раздраз, с которым он никак не мог справиться. Внешне это никак не отражалось на Люсиане. Незнакомые люди, наверное, отме-

тили бы только боль на доньшке его темно-карих глаз. Но для этого надо было близко подойти к нему и заглянуть в душу. А граф де Понтье не многих так близко подпускал к себе. Но совсем иное дело музыканты его оркестра. Они чутко уловили его внутреннее напряжение, никак не связанное с исполняемым произведением, и тут же это отразилось на их игре. Пришлось закончить репетицию раньше. И Люсиан решил ехать в замок R, а не оставаться в парижской квартире. Вернее сказать – он это не решал, потому что действовал бессознательно, машину вёл на автомате, заметил, что направляется в замок, уже на полпути, когда уже поздно было возвращаться. Да, если он не соберет свою душу и сердце по клочкам до завтрашней, генеральной репетиции, его ждёт первый в его жизни провальный концерт.

Почему, ну, почему, так происходит в его жизни? Он – вполне состоявшийся мужчина, ещё не старый, здоровый, красивый, довольно богатый, успешный дирижёр с мировым именем, вокруг которого всегда много женщин, и при этом – полное одиночество. Один короткий брак в молодости, рождение сына, развод, а потом только необязательные связи. И если в молодые годы он может поставить себе в вину, что больше уделял внимание построению карьеры, чем любви, то сейчас он всем сердцем стремился к обретению семьи, но женщины ускользали от него, как будто видели на нём черную метку. Проклятье какое-то! И ведь если посмотреть на историю его семьи, то насколько он знал её вглубь до XVIII

века, то она вся – история мужского одиночества. Отец – сын, отец – сын... И ни одной счастливой истории полноценной семьи. Чёрт побери, поневоле поверишь в мистику! И это в XX веке!

Примерно об этом думал Люсиан, когда зашел в замок со своим любимым псом Бенджи. Маленького щенка босерона ему подарили на одном из концертов. Бежевый комочек (редкий цвет для этой породы) взглянул на Люсиана строгим умным взглядом, кажется, одобрил нового хозяина, потому что, как показалось тому, улыбнулся, сладко зевнул и опять свернулся клубочком. А Люсиан подумал, что одинокие старушки возятся с кошками, а ему предстоит стать одиноким стариком с собакой... За несколько месяцев Бенджи вымахал в большого красивого пса, был игрив, но послушен. Люсиан, занятый размышлениями об истории своего рода, не успел пристегнуть поводок к ошейнику Бенджи и тот, войдя в один из залов, сорвался к женщине, которая стояла около портрета графини де Понтье, пра...прабабки Люсиана.

А Люсиан застыл, как громом поражённый: поза женщины, поворот головы – всё повторяло то, как была изображена на портрете Аннета³ де Понтье. На короткий миг Люсиану почему-то обе женщины – нарисованная и настоящая, показались такими похожими, будто Аннета сошла с картины, переодевшись в одежду XX века. Может быть это из-за того, что глаза незнакомки сверкнули голубыми небесами, когда она повернула голову и посмотрела на него? А он пре-

красно помнил, что именно глаза необычного для старинных портретов голубого оттенка больше всего поражали его на портрете Аннеты. Люсиан отозвал пса, стряхнул наваждение и подошел к женщине.

– Désolé, madame, il est de ma faute que je laisse Benji sans laisse. Je souhaite que mon chien est pas beaucoup vous peur. Mes excuses.

– I'm sorry, I do not understand French, only in Russian and just a little bit in English

– I hope that my dog is not much you scared?

– No, you have a very beautiful dog.

– You are here, obviously, with a tour group? Let me introduce myself: Lucian Pontier. Welcome to my castle.

– Elena Zolotova, very nice...⁴

Люсиан не хотел отпускать Елену и продолжил расспрашивать о впечатлениях от Франции, Париже, а сам напряженно вглядывался в её лицо, которое одновременно казалось и новым, и очень знакомым. Но тут вернулся гид, извинился перед Люсианом за изменение времени экскурсии и увёл Елену...

³ – в переводе – изящество»

⁴ – Извините, мадам, это моя вина, что я отпустил Бенджи без поводка. Надеюсь, мой пёс не сильно Вас испугал. Приношу свои извинения.

– Простите, я не понимаю по-французски, только по-русски и немного по-английски...

– Надеюсь, моя собака не сильно Вас испугала?

– Нет, у Вас очень красивая собака.

– Вы здесь, очевидно, с туристической группой? Разрешите представиться: Люсиан Понтье. Добро пожаловать в мой замок.

– Елена Золотова, очень приятно...

3

– И представляете, он оказался владельцем замка!

– Так ты с настоящим графом познакомилась?

– Прикольно получилось: только что нам рассказывали об их семье и о нём, как о последнем владельце, а тут и он сам, собственной персоной.

– А как вы поняли друг друга? Ты уже и на французском разговариваешь?

Лена, действительно, быстро схватывала языки. В любую поездку она брала с собой разговорник, и уже на второй-третий день, мешая русские и иностранные слова, довольно бодро объяснялась с местным населением. По крайней мере, в отеле, магазине, с таксистами и в ресторане её понимали. А к середине поездки к ней вообще уже начинали обращаться туристы – спрашивали дорогу, принимая за местного жителя. И неважно, где она при этом находилась: в чопорной

Германии, знойной Испании или легкомысленной Италии...

– Да нет, перешли на английский. По отдельным словам догадывалась, о чём он говорит. Но тут за мной вернулся гид, и пришлось уходить. Весь следующий день я самостоятельно гуляла сначала по Оранжери, а потом по д,Орсе, так, что голова опухла от впечатлений.

– А зачем ты так всё на один день нагрузила?

– Я думала, что в Оранжери только один зал с кувшинками, а там их, во-первых, два, а, во-вторых, ещё оказалась шикарная коллекция Ренуара, а уж про масштабы д,Орсе вообще молчу. А у меня остается последний свободный день, и я ещё хочу в музей Родена, и в Дом инвалидов, и попрощаться с Парижем на Эйфелевой башне. Так что притаскиваюсь я в отель без ног, с мечтой о горячем душе и мягкой постели, а мне на ресепшене вручают письмо от господина де Понтье. А в нём пригласительный билет на завтра на концерт в церковь Мадлен на Реквием Моцарта и коротенькая записка на английском с приглашением на ужин после концерта в ресторане Эйфелевой башни.

– Вау, вот это да! Просто сказка!

– Вот и я так подумала. Всё так сложилось, ещё лучше, чем я хотела! Сплошные восклицательные знаки: и мой любимый Реквием, и не в концертном зале, а в Соборе, и Эйфелева башня, и вечерний Париж! В общем, про ноги я забыла, уже вся была полна энергии хоть сейчас идти куда угодно. Полночи не спала от эмоций, а на утро побежала выполнять

намеченный план.

– Слушай, по-моему, самое сказочное здесь всё-таки ужин с мужчиной, а у тебя одни достопримечательности на уме.

– Ничего подобного. А из-за чего, как ты думаешь, я полночи не спала? Думала, какая я счастливая, что в моей жизни будет такое чудо, о котором я даже мечтать не смела...

4

На самом деле не спала Лена не столько из-за волнения от предстоящей встречи, здесь ничего особенного она не ждала. Послезавтра она вернётся в Москву, и этот коротенький эпизод останется копеечкой в её полупустой копилке женского счастья. Она вспоминала свою первую большую любовь, которая так не понятно закончилась ничем, и свои нынешние вялотекущие отношения с чужим мужем, которого она не собиралась уводить из семьи...

Большая любовь настигла Лену уже после окончания института. Они с подружкой перед началом работы решили устроить себе небольшой отдых и отправились в поход на лодках под Астрахань. Вот уж где повезло – так повезло! В Москве в апреле весна ещё только начиналась, а в низовьях Волги уже чувствовалось приближение жаркого лета. Дни выдались все солнечные, радостные. Группа была больше 20 человек, и 7 из них – ребята. Лена сразу обратила внимание на Андрея, да и как было его не заметить? Высокий, заго-

рельный, улыбочивый, да ещё и с волнистыми пшеничными волосами с непокорной чёлкой, задорно падающей на лоб. В дележке на экипажи Лена и Наташа не участвовали – решили положиться на удачу. В итоге им Андрей не достался, а попали они в экипаж к Олегу – второму завидному «парню на деревне». Весь маршрут ребята соревновались между собой: и кто быстрее пройдет очередной участок маршрута, и кто юморнее шутку отколет, словом, кто сильнее – кто самее. Так что хохот почти не замолкал на обоих лодках. На этом два экипажа и сдружились, особенно после того, как зарулили не в тот рукав и пришлось высаживаться на берег и, как бурлакам, буксировать лодки против течения к нужному повороту. Инструктор, которому надоело кричать вечно обгонявшим его экипажам, торжествовал.

Где-то в середине похода они стали лагерем недалеко от большого села и инструктор предложил вместо ужина прогуляться к местному рыбаку, который за символическую плату кормит вкуснейшей ухой и копчёной рыбкой. А ещё у него есть большая веранда с длинным столом и даже музыкальный центр. Так что намечался вечер с танцами. На вечеринке Лена пользовалась успехом у мужской части походников, но после того, как её пригласил танцевать Андрей, он от неё больше не отходил. С этого вечера всё и закрутилось.

Даже сейчас, почти через 20 лет, она помнила то ощущение счастья, трепета руки в его руке, теплоту объятий, нежность и глубину поцелуев, и нетерпеливое ожидание конца

похода – они уже договорились, что Андрей проведет конец отпуска у неё в Москве. Скорей, скорей бы оказаться вдвоём, наедине, чтобы, наконец-то, насладиться друг другом в полной мере, дать разрядку истомленным телам.

И даже будущее не страшило влюбленных. А задуматься было над чем: Андрей жил в Одессе и служил штурманом на торговом судне. Несколько месяцев плаванья – короткий отдых на берегу, и опять – любимое море. Он и не представлял себе другой жизни. А Лена не могла себе представить свою жизнь в бесконечном ожидании. Они строили совместные планы, даже купили кольца, но каждый пытался уговорить другого на свой образ жизни. Отпуск Андрея подошёл к концу, и он вернулся в Одессу, а вскоре ушел в море на 4 месяца.

Целый год то Лена приезжала к нему в Одессу на те короткие 4-5 дней его нахождения на берегу, то он прилетал к ней в Москву... А потом он, видимо, решил всё оборвать единым махом: не поздравил её с днём рождения, не сообщил о датах возможной встречи, просто замолчал, исчез... Лена переживала, боялась, что с ним что-то случилось, названивала по специальным телефонам, где членам семей моряков сообщали о точке нахождения корабля, откуда и узнала, что плаванье прошло благополучно и судно прибыло в порт назначения – Одессу. Даже дозвонилась его маме и, представившись его одноклассницей, узнала, что у Андрея всё хорошо. А на её телефонные звонки он не отвечал. Наверное,

был ещё шанс не потерять Андрея, но для этого надо было срочно рвануть в Одессу и остаться там навсегда, приняв на себя участь жены моряка, но Лена не сделала этого...

Жалела ли она об этом? Конечно – да. А с другой стороны дальнейшая тяжёлая болезнь мамы и её уход из жизни, инсульт папы, из которого Лена вытащила его на своём горбу, доказывали ей, что, может быть, и не зря она *так* повернула свою судьбу? Как бы она смогла им помочь, будучи в Одессе, возможно уже с детьми на руках? Или у родителей тоже бы судьба сложилась иначе, уехав она из Москвы? Кто сможет ответить на эти вопросы?

Боль долго не отпускала, но за хлопотами по уходу за мамой, а потом и отцом, постепенно притупилась. Лена с Наташей по-прежнему ходили в походы. Периодически у Лены случались короткие романы, но ни один из них не привёл к созданию семьи. И она уже смирилась с этим. А 8 лет назад, опять же в походе, все её нерастраченные чувства всколыхнулись вновь. Он был у них инструктором, и звали его тоже Андрей. А ещё он оказался с Леной однофамильцем. «Видишь, нам даже расписываться не надо, мы и так уже муж и жена», – шутливо скажет потом Андрей-2. И действительно, они дальше не раз пользовались этим обстоятельством, когда снимали номер в гостинице, или выезжали вдвоем на пару дней в какой-нибудь подмосковный пансионат (она на работе – за свой счет, а он домашним – на сборы), или жили вместе в палатке, когда Лена проводила свой отпуск с ним

в походе.

Это были совсем другие чувства, более взвешенные что ли. Андрей был женат и души не чаял в своём маленьком сыне. Про жену ничего не рассказывал, но что-то же ему не хватало в ней, если ухватился за отношения с Еленой? Перезванивались они довольно часто, виделись, конечно, реже, но всё равно Андрей стал для Лены почти родственником. А когда ушёл из жизни папа Лены – Андрей подставил своё мужское плечо. Но и она ему помогала: где советом, где просто сочувствием. Несколько раз даже отпаивала его после запоев – пить Андрей не умел, нормы не знал, если уж начинал – то до отключки. И тогда приползал к Лене, а не шёл домой. Однажды она у него спросила: «За что такая привилегия?» А он отшутился, сказав, что готов за её рассол из банок с солёными помидорами⁵ отдать душу Бахусу.

Как-то Лена задумалась: а хотела бы она, чтобы они жили вместе? И поняла, что – нет, её вполне устраивает её уютный мир, в который периодически залетает Андрей. А ещё глубже заглянув в себя, призналась, что для неё не будет трагедией, если он перейдет из любовника в разряд друзей. Вот такая она, получается, одиночка...

Так почему же она сейчас не может уснуть от предвкушения какого-то иррационального счастья? Париж так на неё подействовал что ли?

⁵ – Рецепт соленых помидор

Ингредиенты:

На 3-х литровую банку:

50 г соли

50 г сахара

50мл уксуса (9%)

2 шт. болгарского перца

2 зонтика укропа

1 крупная головка чеснока

Способ приготовления:

На дно банки положить зонтик укропа, слоями плотно уложить помидоры. В промежутки между помидорами вставить нарезанный длинными дольками болгарский перец и зубчики чеснока, сверху положить второй зонтик укропа.

Поставить банки в ёмкость с горячей водой и залить кипятком на 10 минут. Затем воду из банок слить, засыпать сахар и соль, долить чуть-чуть не до верха новым кипятком, влить уксус, долить водой до края и закатать. Покатать банку по полу до растворения соли и сахара. Поставить банки дном вверх и укутать плотно одеялом до полного остывания (2-3 дня).

А Люсиан не мог заснуть по другой причине. Своему секретарю, Этьену, он поручил срочно заказать столик в ресторане Эйфелевой башни по окончании послезавтрашнего концерта, найти Елену Золотову и обеспечить удобным местом не дальше 3-го ряда на концерте, а также оставить ей на ресепшене отеля конверт с пригласительным билетом и коротенькой запиской. Надо сказать, что Этьен довольно быстро справился с поручением, пройдя по цепочке от французской фирмы, с которой был заключён договор на проведение экскурсий, до руководства отеля, в котором остановилась госпожа Золотова. (Так себе отельчик, 2*, чем может заинтересовать Маэстро женщина, останавливающаяся в подобном заведении, осталось для Этьена загадкой).

Сам же он пошел рыться в бумагах, чтобы найти историю портрета графини Аннетты де Понтье и связанное с ним какое-то то ли проклятье, то ли заклятье...

После гибели в автокатастрофе отца Люсиана, его позвал к себе дед и передал старинный альбом с наказом обязательно прочитать и передать своему сыну, когда он у него будет. Отец и дед составляли всю семью Люсиана. Его мать умерла ещё когда он был крохой, её он совсем не помнил. Отец так больше и не женился и всего себя посвятил горячо любимому сыну, а тот отвечал ему взаимностью. Убитый горем, вынужденный одновременно заниматься и похоронами отца и вникать в финансовые дела семьи, Люсиан не придавал значения тому, что сказал ему дед. И открыл альбом только после

ухода из жизни деда, да и то только потому, что в бреду последних дней своей жизни тот несколько раз повторял имена Аннет, Элиан и «заклятье». Тогда-то он впервые и прочитал эту легенду. Прочитал – и подумал: «Какая ерунда! Даже если что-то такое когда-то и было, то на меня уже не действует».

Семейное предание гласило, что никто из мужчин рода Понтье никогда не сможет жить в любви, они всегда будут одиноки. У них будет богатство, власть, здоровье – но ни одна из тех женщин, которых будут любить они, не будет с ними рядом. А дальше шёл вообще абсурд: чтобы снять заклатье, надо было чтобы один из потомков де Понтье женился на некоей Элиан⁶... Люсиан уже 3 года состоял в счастливом браке, его сынишке недавно исполнилось 2 года, и поэтому он не стал читать записи дальше, а засунул их опять в дальний ящик секретера...

А теперь вот пришла очередь, наконец, выполнить обещание, данное деду. И Люсиан углубился в чтение. Первая запись была сделана в 1795 году графом Дамиеном⁷ де Понтье незадолго до кончины: «Я, граф Дамиен де Понтье, навлёк проклятье на свой род. И посему обязан поведать правдиво эту историю, чтобы потомки мои смогли извлечь из неё уроки и исправить содеянное мной...»

⁶ – в переводе – «солнце»

⁷ – в переводе – «приручить, подчинить»

6

... В общем, выполнила я весь намеченный план и даже умудрилась заскочить в отель перед концертом, чтобы переодеться и накраситься. Ничего особенного я с собой не брала, так хоть физиономию разрисовала немного. Ещё раз, на всякий случай, через переводчик Гугл в компьютере перевела записку к билету и отправилась на концерт.

Зал быстро заполнился, все места вокруг меня оказались заняты, и я осталась в лёгком недоумении, так как думала, что мы будем на концерте вместе с новым знакомым. Мне что, в ресторан самой добираться придётся? И как меня туда пустят? А тут как раз на сцене появляется ведущий и что-то начинает вещать на французском и я краем уха улавливаю: Люсиан де Понтье. Кто он, что он, конечно, не понимаю. Выходят солисты, а за ними – дирижер. И это оказался он! Представляете, граф, владелец замка и дирижёр! Боже мой, какое это было божественное исполнение! Сколько раз слышала Реквием Моцарта – всегда хор был выше всяких похвал, а вот солисты и оркестр попадались разные. Но здесь всё сошлось: из солистов особенно вдохновил бас – такой густой низкий голос, как у нашего Нестеренко. А как эмоционально дирижировал Люсиан – я не могла оторвать взгляд

от его поющих рук и спины. А когда всё закончилось, и он развернулся лицом к зрителям, мне показалось, что взглянул прямо на меня. А мне, представляете, девчонки, так захотелось оказаться с ним рядом и просто вытереть пот, катившийся градом с его лица...

Выхожу я из своего ряда и вдруг ко мне обращается по-английски молодой человек:

– Ms. Elena Zolotova?

– Yes.

– Allow me, I'll take you to the Maestro de Pontier?

– Good.⁸

Проводил он меня в какую-то небольшую комнату, предложил кофе, сказал, что маэстро будет через 10 минут и удалился. Я приготовилась ждать дольше, но Люсиан появился пунктуально. И мы поехали к Эйфелевой башне...

⁸ – Госпожа Елена Золотова?

– Да.

– Разрешите, я Вас провожу к маэстро де Понтье?

– Хорошо.

7

Вот честно, что мы ели совершенно не помню. За разговором о музыке едва успевала поглядывать за окно на открывающиеся потрясающие виды Парижа, а уж кушать и совсем

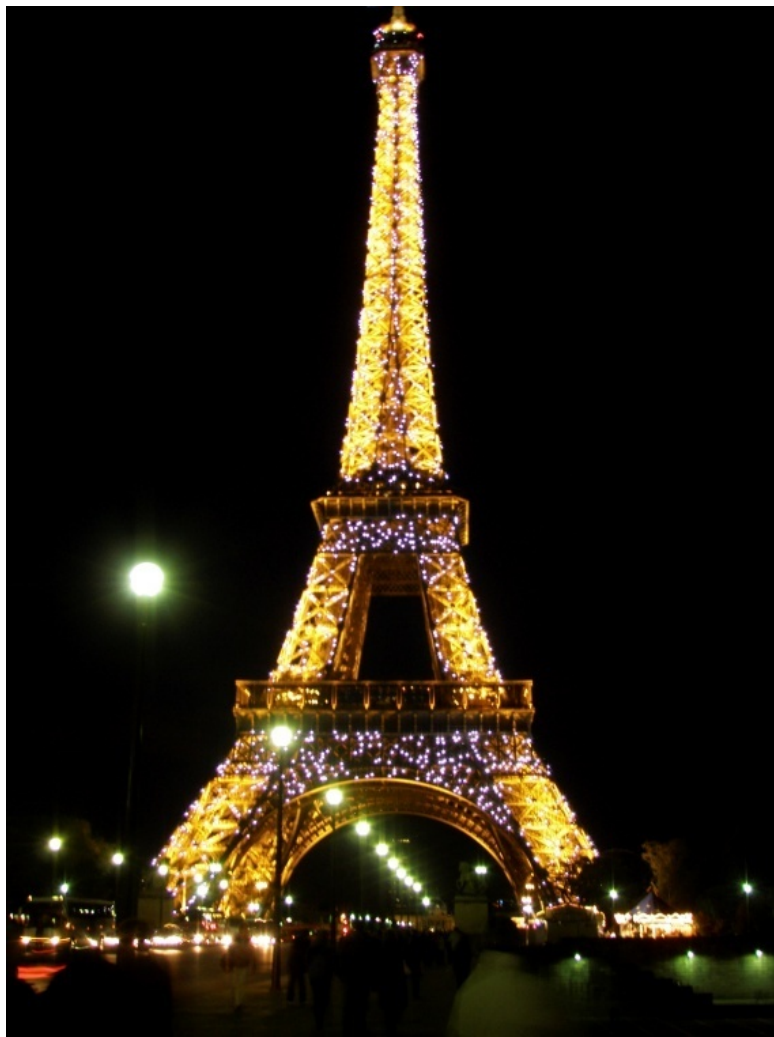
было некогда. А потом стемнело, башня вся заиграла сотнями огоньков, и мы поднялись на смотровую площадку. Боже мой, как же это было красиво! Там я поняла, что «увидеть Париж – и умереть!» – это не фигуральное выражение.

Похолодало, и Люсиан накинул мне на плечи свой пиджак, заметив, как я зябко поёжилась. Стало так тепло и уютно. А ещё вокруг меня зазвенел воздух, живот скрутило горячей волной и сердце забухало так, что, мне казалось, его все слышат. Уже и не помню, когда я так последний раз волновалась. И там, на башне, Люсиан мне кратко рассказал о своем семейном предании.

Его в каком-то колене прапра...прадедушка Дамиен не разрешил своему сыну Сиприану⁹ жениться на его любимой Элиан, поскольку она была не знатного рода. Сиприан был младшим из трёх сыновей Дамиена, но единственным, кто мог наследовать графство и продолжить род де Понтье, так как оба его брата погибли: старший во время крестьянского бунта, средний – на дуэли.

Сложись ситуация иначе, возможно, Дамиен не был бы так щепетилен в выборе спутницы для своего младшего сына. Сиприан был пылким, но слабохарактерным юношей, и под давлением своего грозного отца бросил любимую, хотя уже и обещал ей и её матери жениться. Дамиен же настоял и на скорой свадьбе Сиприана с Аннет Дюран, с которой

они были помолвлены ещё детьми. Жизнь молодых не заладилась с самого начала. Сиприан тосковал по Элиан и проводил всё время в одиночестве, а Аннет страдала от пренебрежения супруга. Прошло уже полгода со дня их свадьбы, а молодая женщина так и не забеременела. И вот однажды ночью Дамиена разбудил мажордом и попросил его светлость спуститься вниз, где графа ожидал сюрприз в виде корзинки с орущим младенцем мужского пола и записки: «Моё солнышко, моя девочка умерла из-за вашего бастарда. Так пусть никто из рода де Понтье не будет счастлив в любви до тех пор, пока не исправит причинённое ей горе, женившись на ней». Граф не придавал значения содержанию записки, решив, что бедная мать сошла с ума, потеряв дочь. Но, между тем, надо было призвать к ответу Сиприана и, если мальчик действительно может быть его сыном, куда-то его пристроить. Сиприан не стал отпираться и подтвердил, что он продолжал встречаться с Элиан вплоть до своей свадьбы и расстались они только после того, как их увидела мать девушки и срочно увезла дочь в неизвестном направлении.

С этого дня жизнь в замке R превратилась в ад: Сиприан напивался каждый день и то рыдал, то буянил, обвиняя отца в своём горе. Аннет практически не выходила из своей комнаты, а когда Дамиену всё-таки удавалось вытащить её оттуда, глаза молодой женщины были красными и опухшими от слёз. Младенец же, которому до сих пор даже не дали имени, остался у мажордома и его жены, кухарки. Они

единственные, не считая служанки Аннет, жили в замке постоянно. Остальная прислуга была проходящей, и граф счёл за благо не распространяться пока о появлении у них новорожденного.

Примерно через месяц произошел новый удар судьбы: рано утром к Дамиену прибежала горничная Аннет и сказала, что её госпожа потеряла сознание. Граф поначалу даже обрадовался этой новости, так как посчитал, что, возможно, это первые признаки беременности. Но это оказалось отнюдь не так. Он нашёл свою невестку лежащей без сознания перед портретом, заказанным графом перед свадьбой. Пока служанка и вызванная графом кухарка хлопотали над молодой женщиной, в гостиную спустился Сиприан. Увидев портрет, он заорал: «Элиан! Нееееет!» и выбежал из комнаты. Граф недоумённо взглянул на портрет и его пронзило могильным холодом: вместо лица Аннет, изображенной художником в свадебном наряде с улыбкой на устах и предвкушением счастья в глазах, на него печально смотрела глазами цвета неба Элиан...

Сиприана нашли через несколько часов с переломанным позвоночником. Выбежав из замка, он вскочил на лошадь и понёсся не разбирая дороги, вылетел из седла и упал спиной на поваленное дерево. На третий день несчастный юноша скончался.

Аннет металась в горячке, а когда через неделю пришла в себя, граф, посоветовавшись с доктором, засобирился в до-

рогу. И вскоре замок R опустел.

В Париже граф Дамиен де Понтье появился через год со своей молодой невесткой, вдовой его сына Сиприана, и внуком, будущим графом Рином¹⁰ де Понтье. Аннет так и не смогла до конца оправиться от потрясения, шептались, что у молодой вдовы не всё в порядке с головой. Она вела замкнутый образ жизни, а потом ушла в монастырь, где следы её теряются...

Какие чувства испытал Рин, когда прочёл признание деда, сказать трудно. Даже Люсиан признался, что ему было неприятно узнать об обстоятельствах рождения его далёкого предка, что уж говорить о человеке, которого эта история касалась непосредственно, да ещё и рожденном в XVIII веке, когда чистоте крови придавали такое большое значение. Но, тем не менее, Рин не уничтожил альбом, а, также, как и дед, сделал запись перед смертью и передал следующему графу де Понтье, своему единственному сыну.

Все дальнейшие записи были короткими и лаконичными. И свидетельствовали о том, что проклятье матери Элиан работало, поскольку все мужчины рода Понтье проживали свою жизнь в одиночестве. Да, они женились, у них рождался сын, всегда сын и всегда единственный. Как тоненький ручеёк имя и титул де Понтье передавались от отца к сыну. Но все их браки не длились долго. Жены или умирали, или сбегали, или изменяли, или разводились... Второго брака и детей больше не было ни у кого. Зато всё, за что брались

мужчины их семейства, всегда оборачивалось удачей, деньги текли рекой. Рука об руку с деньгами шла власть. Здоровье тоже было отменное – все доживали до преклонных лет, и уходили в мир иной глубокими старцами не от болезней, а от лет. Единственным исключением оказался отец Люсиана, который погиб относительно молодым, и оставил своего наследника на деда.

⁹ – в переводе – «издалека»

¹⁰ – в переводе – «рожденный заново»

8

– Елена, простите, я, может быть, скажу сейчас абсурдную вещь, но, когда я вошел в комнату, а Вы оглянулись – Вы так показались мне похожи на женщину, изображённую на портрете, как я теперь понимаю, Элиан, что я даже растерялся. Потом морок рассеялся, но всё равно меня потянуло вспомнить историю портрета. Я понимаю, что глупо человеку XX века верить в проклятья и воплощение когда-то живших людей, но не могу отделаться от ощущения, что мы с Вами когда-то встречались и что я не должен Вас упустить. Черт побери, даже имена созвучны: Элиан – Елена, Сирпиан – Люсиан...

– Я в замешательстве и даже не знаю, что Вам на это сказать...

– Для начала скажите: Вы замужем?

– Нет.

– Уже легче.

– Чем же? Есть гораздо большие препятствия, чем штамп в паспорте. Разные страны, разный менталитет, разные слои общества. В конце концов, мы с Вами совсем не знаем друг друга...

– Но ведь это дело поправимое?

– Каким образом? Завтра днем я уже буду в Москве и вряд ли в ближайшее время смогу прилететь опять в Париж.

– А у меня через четыре месяца концерт в Москве, а до этого есть телефон, почта, скайп...

– Возможно. Но, знаете, как-то я неуютно себя чувствую в роли чьего-то воплощения...

– Я бы мог и не рассказывать эту историю, но посчитал, что должен быть с самого начала честен с Вами. В своё оправдание могу сказать, что поручил своему секретарю найти Вас ещё до того, как прочитал предание. Но теперь сам не могу разобраться, сколько в моём стремлении не расставаться с Вами от желания избавиться от проклятья, а сколько от того, что Вы – это Вы. Сумбурно говорю...

– Ничего страшного, я понимаю. Я тоже не могу отделить отношение к Вам от обаяния Вашего таланта.

– Так давайте вместе разбираться? Всё, о чём я прошу сейчас, – это продолжить общение и встретиться в Москве. А дальше будет видно...

– Так вы общались?

– И продолжаем общаться...

– Ну ты – тихушница. Хоть бы раз словом обмолвилась.

– А Люсиан уже приезжал на концерт?

– Если ты сейчас скажешь, что концерт уже был, а ты нас не пригласила, – я на тебя серьёзно обижусь...

– Так из-за концерта всё и рассказала. Освобождайте себе пятницу на следующей неделе – идём слушать «Реквием» Верди в Дом музыки.

– Боже мой, Реквием! Верди! Мечта поэта! Мне уже нравится твой Люсиан. Даже если он кривой, хромой и старый...

– Никакой он не кривой и не старый. Можем хоть сейчас зайти в интернет и посмотреть его фотографии.

– Конечно, давай сейчас, я от любопытства лопну, пока до дома доеду.

Они включили планшет Гали и нашли в поисковике кучу фотографий маэстро Люсиана Понтье.

– Слушай, и о чем ты думаешь, подруга? Да если бы мне такой мужчина предложил руку и сердце, я бы ни минуты не сомневалась. Кинула бы своего Старшинова, и поехала за ним на край света.

– Это ты сейчас так говоришь, а на деле тоже начала бы думать, сомневаться: Москва, дети, работа...

– Тогда давай по порядку. Ты сама нам всегда говорила, что в Москве плохо себя чувствуешь, особенно, когда возвращаешься из-за границы. Тебе было плохо во Франции?

– Да нет, наоборот, я себя там чувствовала как дома, а не в гостях. Но это, может быть, связано с отпуском, хорошей погодой, солнышком...

– Вот-вот, с «солнышком». Сколько солнечных дней в году наберется над Москвой? Мы с вами только недавно говорили о депрессухе из-за вечной пасмурности. И вообще, в наше время смешно говорить о расстояниях. Не на телегах же ездим! Соскучишься по хмурым лицам и толкотне – милости просим, сядешь на самолет и через 3 часа из любой точки Европы ты уже дышишь выхлопными газами в родных пенатах. Семеро по лавкам у тебя не прыгают, а наведать родителей и убраться на кладбище два раза в год уж найдешь время приехать.

– А работа?

– Ой, уж, великая работа бухгалтера! Не получится – вернётся, да по новой устроишься. Как говорится, была бы шея, а хомут найдется. Что ты теряешь в конце концов? Крыша над головой останется. Если ничего не получится – вернуться есть куда будет.

– Галка, ну что ты на неё напала? Может, она его не любит? Может, они сексуально друг другу не подходят?

– А вот это, действительно, интересный вопрос! Это обязательно надо проверить, так сказать, на практике.

– Уже...

– Что уже?

– Уже проверили...

– Ё-моё! Так ты последнюю ночь в Париже у него провела?

И молчит! Всё клешнями из тебя надо вытаскивать...

– Нет. Месяц назад он дирижировал в Венской опере, и я летала к нему на два дня. Французы визу дали на полгода, так вот, пригодилась...

10

– Лена, скажи, как быстро ты можешь сделать шенгенскую визу?

– Ну, у нас где-то недели за три агентства делают, а что?

– Я в сентябре буду дирижировать Травиатой в Венской опере с вашей Нетребко – хочу пригласить тебя в Вену.

– Так у меня виза ещё до ноября действующая.

– Какая удача! Ты прилетишь? Я оплачу все расходы.

– А какие числа?

– Спектакль пятнадцатого сентября в субботу...

И утром в субботу Люсиан сам встречал Елену в аэропорту Вены. Весь полет она пыталась думать рационально, но у неё ничего не получалось. Мысли растекались в разные стороны, она мурлыкала про себя какой-то привязавшийся мотивчик, а с лица не сползала рассеянная улыбка. В конце концов, она устала бороться с собой, махнула рукой и реши-

ла – будь, что будет. Она отдастся в руки Люсиана, выключит мозги и, не оглядываясь ни на что, будет плыть по течению. А думать начнет потом, в Москве.

Люсиан тоже сильно волновался, но когда увидел широкую счастливую улыбку Лены и искрящиеся голубые глаза, вспыхнувшие при взгляде на него, вдруг успокоился и сделал то, что ему хотелось в этот момент больше всего на свете: обнял, крепко прижал к себе и страстно поцеловал. После мгновенного замешательства Лена ответила на его поцелуй, и дальше всё покатилося само собой.

Не надо было выяснять, как Лена отнесется к проживанию в его венской квартире (а Люсиан надеялся на её согласие, но переживал по этому поводу) – это показалось так естественно. А дальше день закрутился, расписанный по часам. Лена наскоро переделалась, и они поехали в центр Вены: Люсиан на репетицию, а Лена гулять по центру в ожидании её окончания. Они с девчонками уже были в Вене, поэтому Лена воспринимала город как своего старого знакомого: побродила под высокими сводами Собора св. Стефана, прошлась по Сокровищнице, благо очередь туда была небольшая, посидела в элегантном кафе на площади перед дворцом Хофбурн (там также, как и два года назад, тапёр наигрывал вальсы Штрауса на потемневшем от времени пианино). «А ведь я сейчас тоже на репетиции – на репетиции своей будущей жизни. Люсиан будет весь в музыке, а я в ожидании его с концертов и гастролей... Так, обещала ведь себе отключить мозги, плыть по те-

чению. Хватит трусить. Тебя ещё никто замуж не звал...»

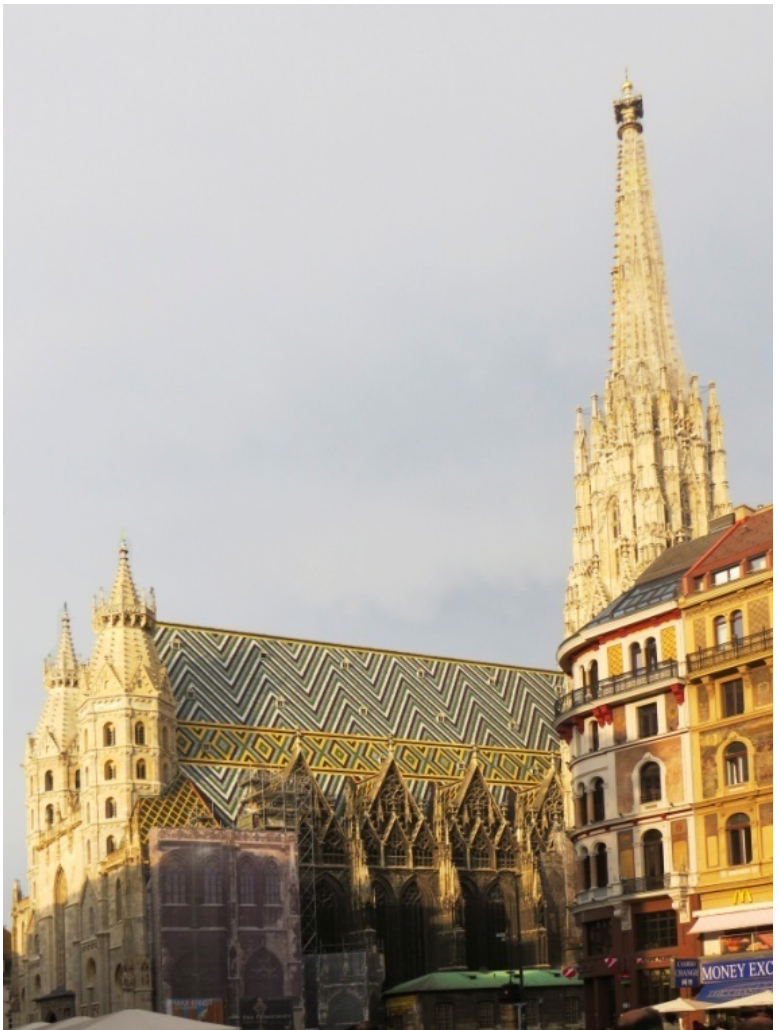
Лена встретила Люсиана после репетиции, они перекусили в ресторане рядом с оперным театром и поехали на квартиру: обоим надо было переодеться и отдохнуть перед спектаклем.

Люсиан растянулся на диване, положив голову к Лене на колени, закрыл глаза и попросил рассказать ему что-нибудь. Каким-то шестым чувством Елена поняла, что он просит рассказать не какие-то эпизоды из её жизни, а что-то нейтральное, необременительное, успокаивающее. Почему-то ничего, кроме сказки о сестрице Алёнушке и братце Иванушке в голову не приходило, и даже не заметив, что перешла на русский, Лена приступила к рассказу. Для Люсиана мягкий напевный чужой язык звучал нежной колыбельной. Лена гладила левой рукой густые, чуть подернутые благородной сединой, волосы Люсиана, а он, поцеловав её правую ладошку, не отпустил её руку и, накрыв своими руками, прижал к груди.

Перед спектаклем они расстались. Люсиан вошел в здание через служебный вход и отправился в свою гримерную, а заботу о Елене поручил своему секретарю Этьену, уже знакомому ей по концерту в Париже. Зрителей ещё не запустили через главный вход, и они вдвоём смогли свободно рассмотреть это великолепное здание изнутри. Конечно, Венская

опера уступала по красоте и пышности Парижской Гранд-Опера, но и её внутреннее убранство было достойно восхищения.

Во время оперы Елена заново влюбилась в Люсиана. Она не могла оторвать взгляда от завораживающего танца его рук. Как будто главное действие было не на сцене, а в оркестровой яме. А когда в антракте услышала несколько разговоров зрителей, восхищенных страстным звучанием сегодня оркестра, теплая волна затопила её от причастности к

этому...

11

... – Ну, и?

– Я пожалела только о том, что ночь в Вене была лишь одна...

– Ну вот, видишь! Не о чем тут думать!

– Галка, кончай! Не все такие решительные, как ты.

– Знаете, девочки, я убеждена на все сто процентов, что лучше десять раз сделать и девять раз из них ошибиться, чем ничего не делать, а потом жалеть об этом. И пусть все мои три брака и четвертый заодно будут ошибкой, но у меня в жизни столько прекрасных воспоминаний! А мои девчонки? Это же такое счастье! А их ведь могло и не быть, если бы я, как большинство, сидела и ждала какого-то принца из сказки, а не пыталась, как говориться, слепить его из того, что было под рукой.

И женщины замолчали. Каждая думала о своём. Последние Галкины слова были созвучны тому, о чём последнее время размышляла Лена – о возможностях, которые даёт нам судьба, и как мы ими распоряжаемся: отворачиваемся, боясь перемен, или хватаем птицу-удачу за хвост и, рискуя разбиться, пускаемся в неизвестность. Первый вариант она уже в своей жизни опробовала. Не пора ли решиться на второй?

Люсиан умудрился выкроить из своего плотного графика на Москву целых пять дней. И четыре ночи. В Москве стояло теплое бабье лето, как по заказу к приезду Люсиана. Они много гуляли вдвоем, взявшись за руки, как два подростка. Да и ощущали себя примерно так же. А ночами не могли насытиться друг другом. Перед концертом Лена рассказывала Люсиану очередную сказку, а он, так же, как и в Вене, погружился в нирвану.

Но в эту встречу Лена почувствовала в Люсиане какую-то толику закрытости, что ли. Он как будто напряженно обдумывал какую-то идею, которой не хотел делиться с Леной. Было ли это связано с его работой или с какими-то внешними обстоятельствами, или с изменением отношения к ней, Лена не понимала. И постепенно в её груди всё туже стягивался узел боли, пока она не выдержала и не спросила Люсиана напрямую, что его гнетёт. Но такого страстного монолога, который обрушил на неё Люсиан, она не ожидала:

– К чёрту всё! Я обещал себе не торопиться и не торопить тебя. Но у меня нет больше сил и желания разбираться с этой мистикой. Я просто хочу, чтобы ты была рядом со мной уже сейчас. Я с ума схожу! Когда я отдыхаю перед концертом, я просто физически ощущаю твою руку на своих волосах, я даже твой запах ощущаю. Я загружаю себя работой, чтобы

музыка вытеснила мысли о тебе хотя бы на какое-то время. Мои музыканты ропщут – я выжимаю их на каждой репетиции до суха. А в Будапеште во время репетиции оркестр так играл, что хрустальная люстра на потолке зала вошла с нами в резонанс и начала раскачиваться и звенеть. Пожалуйста, давай уедем вместе из Москвы пока у тебя есть виза, распишемся в Бельгии, а потом уже будем разбираться со всеми остальными формальностями. Я дам поручение Этьену и он всё устроит.

И добавил, к удивлению Лены по-русски: «Я люблю тебя! Выходи за меня замуж»

После такого было бы неуместно рассказывать про 2 недели отработки на работе, да и вообще что-нибудь говорить. Лена просто кивнула, и утонула в объятиях Люсиана и его жарком поцелуе. А когда они смогли оторваться друг от друга, Люсиан сказал:

– Где тут у вас самый шикарный ювелирный? Я так боялся сглазить, что кольцо покупать не решился.

– Да бог с ним, с кольцом...

– Ну уж нет! Кольцо как минимум обязательно!

Лена заозиралась по сторонам, пытаясь сообразить, где они находятся, и поняла, что они на Старом Арбате. Чего-чего, а ювелирных здесь пруд-пруди. Люсиан названивал по телефону и что-то бурно объяснял на французском своим собеседникам, крепко держа Лену за руку, попутно перемещаясь от магазина к магазину, от прилавка к прилавку, пока не

нашёл то, что, видимо, его устроило. Тут он прервал разговор и обратился к продавщице по-английски. И это был первый раз, когда Лене пришлось сопротивляться его давлению, иначе бы ей пришлось носить кольцо с бриллиантом, размером с булыжник, и ценой, не поддающейся переводу в рубли из-за количества в ней нолей. Спор бы ещё мог долго продолжаться, едва не перейдя в первую ссору, но Лена, в конце концов, просто закрыла рот Люсиана поцелуем, и он сдался на её выбор. А она про себя на будущее отметила универсальный способ добиваться своего...

13

Дальше события закрутились яркими картинками, как в детском калейдоскопе: Бельгия, Франция, Россия, Франция, гастролы в Италии, опять Россия, снова Франция. Люсиану помогал Этьен, а Лену поддерживали Галка с Ириной. Но, не смотря на бешеную гонку, они чувствовали себя безгранично сильными, молодыми и счастливыми.

Только одно обстоятельство выбило Лену из колеи – разговор с Андреем. Она порвала с ним сразу по приезду из Парижа, предложив остаться друзьями. Он же решил, что таким образом она пытается заставить его уйти из семьи и жениться на ней. Наговорил ей кучу всяких обидных слов, которые, впрочем, не сильно задели Елену. А незадолго до её отъезда из России позвонил опять и торжественно заявил,

что «так и быть», он готов уйти из семьи и жениться на ней. В её слова, что она выходит замуж за другого, не поверил, и начал названивать каждый день. Пришлось Лене менять номер телефона.

А к Люсиану в Парижскую квартиру без предупреждения явилась Катрин, чем не мало его смутила. (Лена сделала вид, что не видит в этом ничего экстраординарного и радушно, но как полноправная хозяйка, приняла непрощенную гостью.) Остальные его бывшие, слава богу, только звонили. Лена даже как-то шутливо ему предложила сменить номер телефона, а на старом оставить автоответчик с сообщением о его женитьбе.

Только через полгода все формальности были утрясены и чета де Понтье – Люсиан и Элен, решили устроить себе короткий, всего на неделю, «медовый месяц». По обоюдному согласию они поехали в так дорогую их сердцам Нормандию. Пока Люсиан занимался багажом, Лена пошла искать зал с портретом графини де Понтье, благодаря которому они познакомились. Там и обнаружил её Люсиан, внимательно рассматривающей счастливое лицо *Аннеты* де Понтье, с улыбкой на устах взирающее с портрета. Елена оглянулась на шаги мужа и, когда он приблизился и увидел портрет, сказала: – Боюсь, дорогой, мы никогда больше не увидим лица твоей родной прапра...прабабушки Элиан...

Октябрь 2016